

Андрей
БАРАНОВ

ВОЙНА И МИР
1802

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Необыкновенные приключения графа Г. на сломе веков

Андрей Баранов

Война и Мир – 1802

«Автор»

Баранов А.

Война и Мир – 1802 / А. Баранов — «Автор»,
— (Необыкновенные приключения графа Г. на сломе веков)

Сатирический роман «Война и мир-1802» написан в жанре «фантастическая история». Император Павел I, царь-модернизатор, благодаря козням беглого лондонского олигарха Бориса Валерьяновича Залысовского, временно переселившегося в XIX век после таинственного эксперимента спецслужб, остается жив после покушения в 1801 году. В результате действие классического романа Л.Н. Толстого «Война и мир» разворачивается значительно раньше на фоне войны не с Наполеоном, а с Англией, из-за чего русские войска отступают за пределы своей страны до самой Индии.

Содержание

Предыстория	5
История	10
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Баранов Война и Мир-1802

*Стыдись, британский возждь!..
Британцам гибель!
Вперед, мои бесстрашные, вперед!
Иоанна близко; знамя перед вами
Она нести не может, как бывало;
Она в цепях – но дух ее свободно
Стремится в бой за вашей бранной песнью.*

Ф. Шиллер, «Орлеанская дева»

Предыстория

Колокол «Биг-Бена» отзвонил двенадцать раз. В этом не было ничего особенного. Часовая башня Вестминстерского дворца, или же Clock Tower, уже порядком намозолила глаза широко известному в узких кругах подпольному олигарху Борису Валерьяновичу Залысовскому. Она находилась как раз напротив его роскошного пентхауса, и человек знакомый с архитектурой Лондона не понаслышке сразу мог бы догадаться – где. Конечно ни один здравомыслящий читатель не отказался бы пожить недельку в таких апартаментах, любуясь их скромной аристократической роскошью и заливая тоску – буде такая появится – водопадом напитков из огромного бара мореного дуба. Этот бар носил название «Ностальжи», несколько на французский манер. Запасы виски и джина позволяли коротать долгие осенние вечера, когда серое небо наваливалось на душу, обволакивая стеклянную крышу туманом.

Однако же хозяин пентхауса был отнюдь не сентиментален – как это явствовало из газетных статей в таблоидах. Сколотив состояние более чем сомнительными путями, которые были решительно непозволительны для настоящего английского джентльмена, он в один не слишком прекрасный момент почувствовал, что воздух российской столицы давит ему горло, и даже завязывается вокруг него на манер удавки. Политическая ситуация изменилась, правосудие стало разворачиваться к нему самой неприглядной частью тела, в Кремль уже нельзя было открывать дверь ногой и ночевать на диване в приемной президента, и сушить носки на еще сталинской лампе с зеленым абажуром тоже запретили.

Блестящая интуиция мигом подсказала ему, что виски лучше водки, особенно шотландский виски в ирландском пабе британской столицы. Личный самолет немедленно взял курс на Лондон, так что выбежавший в последний момент на взлетную полосу ОМОН – отряд особо мерзких полицейских, как поясняла это ехидная местная пресса – остался в очередной раз с носом. Так Борис Валерьянович оказался здесь, в этом месте и в это время.

Сквозь окно можно было заметить, как по площади туда-сюда сновали прохожие и как ее пересекали огромные двухэтажные автобусы «даблдекеры». Поначалу Залысовский радовался свободе и близости цивилизованного общества, о котором в России ему прожужжали все уши. Многочисленные счета в разнообразных Швейцариях позволяли ему не думать о завтрашнем дне, по крайней мере с материальной точки зрения. Ну а когда ему казалось, что неиссякаемые запасы сокровищ подходят к некоей финансово опасной черте, он недолго думая начинал шантажировать своих приятелей олигархов, таких же детдомовских сирот и бедолаг как и он, коротающих свой лондонский срок по соседству.

Обычно после угроз рассказать о связях с Кремлем жертва отдавала ему несколько десятков звонких миллиончиков, дабы не подмачивать репутацию еще больше. Кроме того олигарх в изгнании время от времени – дабы не терять форму – финансировал мелкие политические убийства и изнасилования на территории своей исторической родины, ну там ко дню рождения старых приятелей что ли, чтоб они его не забывали.

Однако сегодня было решительно скучно. Никаких повесток в суд, никаких докладов от секретаря о покушениях и терактах, словом день с утра не задался. Позевывая, Борис Валерьянович откинулся в кресле и поглубже вдел босые ноги в тапочки из кожи африканского аллигатора. Он даже и не подозревал, что скоро события начнут разворачивать свой бег необычайно быстро и весьма оригинально.

* * *

В это время в одном из больших серых зданий на окраине Москвы, в лесу на территории бывшей дворянской усадьбы Ясенево созрел коварный план. Он созревал там уже не в первый раз. Дело в том, что выходки экс-крышевалы всяя Руси очень надоели российскому же «Большому брату», равно как и незапланированные подарки на день рождения. В последний раз неожиданно умерла поперхнувшись пулей известная оппозиционная журналистка, постоянно совавшая нос куда ее не просили, и историческая фраза национального лидера «Да таких убивать – себе дороже» почему-то не успокоила безутешных родственников и либеральную оппозицию.

Фокус с радиоактивным полонием к чаю к сожалению не удавалось повторить, так как в прошлый раз при устранении очередного перебежчика и предателя им, то есть полонием, а не перебежчиком, заляпали все коридоры отеля «Армагеддон», и полугодовой служебный запас был растрачен бездарнейшим образом. Из экономии госзаказ в тот раз поручили выигравшей полагавшийся по закону тендер конкурирующей фирме с Лубянки, для которой зарубежные операции теперь были в новинку, и ехидные англичане долго потешались такой неаккуратности при проведении зачистки. Жертва правда все же скопытилась, об этом написали во всех газетах, жуткие фото лысого от радиации как и сам олигарх покойника травили душу, и опасливый Борис Валерьянович с тех пор зарекся пить чай с незнакомцами, и перешел на кофе с сухариками.

– Осторожный, мерзавец! – седой генерал смахнул прядь волос со лба и тяжело вздохнул, предчувствуя что скоро поседеет еще больше. – Как же к нему подобраться?

– Нелегко, товарищ генерал – одной ведь охраны у него сколько. И спецназовцы бывшие, и агенты МИ-5, и командос.... Вся Европа на него работает!

– А на нас, значит, одни раздолбай работают? Вроде вас? – с утреннего бодуна начальство было ироничнее чем обычно. – Ну вот что.... Если вы немедленно не придумаете что-нибудь оригинальное, я весь отдел на уши поставлю! Буду вас перетряхивать всех по очереди. – Генерал щелчком вышиб из пачки импортного «Мальборо» сигарету и бросил ее в рот не зажигая. Эти сигареты блоками, чтобы враг не догадался, доставлялись прямо из Лондона с дипломатической почтой, из фильтра одной, заветной, вынималась шифровка, а остальные ходило стрелять все управление, не доверяя отечественным лицензионным аналогам в табачных киосках.

После непродолжительного молчания один из помощников, в неприметном сером костюме в мелкую клеточку, выдал такую идею:

– А что если мы его... ну как бы того... забросим в прошлое?

– Это как это? – заинтересовался генерал, и даже перестал жевать сигарету.

– Уникальная технология! – Помощник немедленно приступил к саморекламе, на манер распространителя «Герبالайфа». – Метод профессора Рогозина-старшего, осталась еще с тех, советских времен. Клиента погружают в состояние гипноза и задают ему целый ряд наводящих

вопросов. Обычно-то интересовались прошлым – ну там, чтобы достать из подсознания свидетельские показания. Потом начали интересоваться будущим...

– Так его ж еще не было, будущего-то! – перебило его начальство.

– Неважно, все равно можно кой-чего разузнать... ну а потом сообразили наши мозговеды, что и в очень глубокое прошлое можно забраться, на сто лет назад, двести, триста... даже пятьсот бывало. Все с подкорки списать, кем человек был в прошлой жизни, чем занимался, ну а если постараться, включить так сказать усиленный режим – то сознание испытуемого гражданина вместе с евойной личностью и вовсе переместится в прошлое!

– Заковыристая петрушка! – резюмировал генерал, закусив новую сигарету взамен изжеванной. – А что станет с бранным телом?

– Тело как бы впадет в кому, – заговорил помощник скороговоркой, – и останется так на неопределенное время. Ну пока сознание не вернется к хозяину.

– Хорошо бы чтоб оно никогда не вернулось! Вот ведь какие времена, нет чтобы по старинке – мол нет человека, нет и проблемы, так извольте видеть, приходится всякой хреню маяться в извращенной форме. Ну а как планируете подsunуть все это нашему БэВу Лысому?

Помощник оглянулся по сторонам, как будто бы опасаясь прослушки даже здесь, в святая святых разведслужбы, и торопливо зашептал прямо на ухо генералу, пододвинувшись поближе к начальственному креслу...

* * *

Вот как случилось что на выставке достижений российского народно-олигархического хозяйства, развернувшейся по традиции в стольном граде Лондоне, центральное место в экспозиции занял странный аппарат, похожий на космический корабль так и не улетевший в небо. Он блестел сталью и хромом. Сверху была масса мелких финтифлюшек, вокруг тянулись провода. Веселые синие искорки поблескивали в каких-то длинных прозрачных трубках. Центральную часть занимало замысловатое кресло, похожее на катапульту. Словом, сгрудившимся вокруг леди и джентльменам было на что посмотреть. К слову сказать, современные британские джентльмены и особенно леди излишней гламурностью не страдали, и легко могли послать наступившего им на ногу зеваку на небо за звездочкой. Это всегда производило неизгладимое впечатление на гостей королевства.

Вот и сейчас несколько заскучавший олигарх, выбравшись наконец из пентхауса, решил проветриться и посетить одно из тех мероприятий, на котором все весело проводят время. Подброшенный кем-то в почтовый ящик проспект, зачитанный не в меру ретивым секретарем, навел его на эту опасную мысль. Нескромная кавалькада «Роллс-Ройсов» и «Бентли», покружив по городу, направилась не в какое-нибудь увеселительное заведение наподобие Плюща (The Ivy) на Вест-стрит, и не как обычно в высокий лондонский суд на очередные разборки с соотечественниками. Выставочный комплекс ExCel что расположился близ станции Custom House – вот кто очень обрадовался появлению делегации скромного российского бизнесмена в изгнании.

В сопровождении охранников в строгих черных костюмах, построившихся «свиньей», наподобие тевтонских рыцарей, лысый БэВ миновал внушительную стеклянную пирамиду, чем-то напоминавшую парижский Лувр, и шествовал по территории огромного комплекса заглядывая то туда, то сюда. Растяжки и транспаранты показывали, что на данной сотне акров земли раскинулся воистину мировой рынок в миниатюре. Тут же были рестораны, бары, конференц-залы и прочее и прочее.

Сначала углубленный в исторические судьбы российской трудовой эмиграции мега-бизнесмен обращал мало внимания на роившиеся там и сям чудеса науки и техники, но постепенно втянулся и стал отвлекаться и на то и на это. Парили в воздухе загадочные таблетки,

вокруг которых шипел белый пар, трещали сиреневые молнии внутри стеклянных шаров, наш герой повернул голову дабы осмотреть должным образом гигантскую действующую модель Большого Адронного Коллайдера, в котором частицы уже превзошли скорость света, и тут неожиданно столкнулся с прямо кинувшейся ему под ноги девицей.

– Fuck! – проговорила девушка как-то излишне резко, – раскрой глаза, old goat!

Охрана уже готова была стереть невесту откуда взявшуюся дамочку в порошок и высыпать прах в ближайшую урну, как вдруг БэВ, попристальнее взглядевшись в возлежашую на полу, обнаружил что девица прямо красotka. Рыжие волосы растрепались, очки в модной оправе сползли с курносого носа на бок, белая блузка выбилась из-под черной юбки с переливами, открыв симпатичный животик с пирсингом под еще не стершимся пупком. В порыве неожиданного для самого себя великодушия олигарх даже протянул жертве столкновения руку. Девица вцепилась в его платиновый «Ролекс» как в якорь спасения и грациозна вскочила на ноги.

– What is your... то есть тьфу, мы ж вроде соотечественники? Как зовут-то? – поинтересовался БэВ у спасенной от охранников.

– Анна Шляпман. Аня я! – пояснила девица, поправляя волосы и почему-то подобрев. – А как ваше имя, сэр?

– Крайне удивлен, что кто-то в нашей доброй старой Англии еще не знает моего родовитого имени! Я ж потомственный олигарх в первом поколении, заметьте!

– А как вы здесь оказались? – поинтересовалась мисс Шляпман, как бы невзначай обвиваясь вокруг коротенького тела своего нового спутника и подталкивая его налево, в направлении большого павильона.

– Я потерпел огромное кораблекрушение! – пояснил олигарх несколько туманно. – Знаете, там, в России, все время политические бури. Постоянные преследования. Злая судьба, ветер несчастий. Охрана – вы уж их простите – следствие необходимости защищаться от недругов, покушавшихся и на самую жизнь мою. Уж и не знал, как сюда добраться – то ли прилететь на личном самолете, то ли приплыть на яхте, да местный причал для нее маловат, ведь она самая большая в мире! Пришлось выбирать по старинке, кидая монетку. Она встала на ребро – и вот посредством лимузинного транспорта я и оказался здесь.

– Ах, как романтично! – девушка впитывала каждое слово и глядела в рот кавалеру. – А вот я стендистка. Всего лишь. Это ведь совсем не романтично, правда?

– Ну почему же... А где стендистка, в чем именно?

– Тут рядышком... вот мы и пришли!

В павильоне фирмы «From Russia with Love» вся компания подошла к необычному сооружению, уже описанному выше. Приустановивший от долгих переходов олигарх обратил пристальное внимание на кресло, занимавшее центральную часть композиции. Оно выглядело как массажное, обтянутое дорогой бежевой кожей, с массивным опутанным проводами подголовником, и казалось так и манило своими изгибами посидеть, отдохнуть. Вокруг блестели яркие компьютерные панели и таблички.

– Наш новейший образец! – девица разошлась, как будто речь шла о пылесосе – мечте всех домохозяек. – Моментально стирает ненужные воспоминания и активирует наиболее приятные, забираясь в самые отдаленные участки мозговой коры! Настраивает на комфортный лад в любое время года. И никакой ностальгии и депрессии!

При слове «воспоминания» БэВ насторожился.

– А ну как эти воспоминания все запишут да и передадут кое-кому? – забеспокоился он. – Я ведь и счета в швейцарских банках между прочим наизусть помню!

– У нас гарантируется полная тайна вкладов, то есть конфиденциальность! – утешила его мисс Шляпман, как бы невзначай поправляя выбившуюся из декольте упругую грудь третий номер. – Политика нашей конторы такова, что все мысли и воспоминания клиента стираются в

процессе перезагрузки по окончании сеанса. Зато у вас будет гарантированно хорошее настроение. Вы наш первый клиент сегодня, и вам положен подарок!

Здесь девица улыбнулась так томно, что сомнений в роде подарка не осталось бы уже ни у кого. В другое время мистер олигарх не решился бы на такого рода эксперименты, но тут, пресекая возражения телохранителей, он уселся в манящее кресло и даже позволил надеть себе на голову шлем с вмонтированными стереоочками, наушниками и проводками. Во время этой процедуры девица держала его за руку, невзначай облизывая чувственные губы, и не выключала улыбку как будто глядела на мешок с деньгами.

Вначале Борис Валерьянович почувствовал легкое головокружение, затем по черепу поползло приятное тепло и кожу как будто бы закололи невидимые иголки, а в уши полез голос, отсчитывающий почему-то года наоборот «... 2011... 2010...9...8...» как будто бы шел «final count» при запуске ракеты. Вскоре минуло уже беспокойное двадцатое столетие, началось благословенное девятнадцатое, эпоха царей и полководцев, о большинстве из которых он слышал лишь краем уха, а затем Залысовский потерял сознание и уже ничего более не видел и не ощущал.

Пробуждение было ужасным. Чернота, плававшая вокруг головы, отступила не слишком далеко. За окном был свежий ночной воздух. Хорошо развитая интуиция подсказала Борису Валерьяновичу что он кажется уже не в Выставочном центре и не у себя в пентхаусе, хотя вроде бы и до сих пор в Британии. Во всяком случае, вид на Биг-Бен почти не изменился... вот только самого Биг-Бена не было! В этом Борис Валерьянович убедился, вскочив с постели и подбежав в темноте к окну. Сам же Вестминстерский дворец из неоготического неожиданно приобрел какой-то совершенно средневековый вид. В неверном свете зажженной в попыхах свечи олигарх обнаружил, что не только с часовой башней, но и с телом его подлейшим образом «кинули» – в зеркале отражался какой-то испуганный худой старик в ночной рубашке, с мрачными и решительными чертами лица, однако же вовсе не склонный к коммерции. С ужасом оглядев мрачные покои, он заметил на столике у кровати номер «Таймс», выглядевший вполне свежим, если только не считать надписанной даты: «November, 1800».

История

Преужасная эпоха, стоявшая на дворе, представлялась таковой вовсе не всем ее обитателям. В темном царстве, каковое собой представляла издревле Россия, граждане обширного государства любили повеселиться по поводу и без повода. Иногда правда этому мешала погода. Вот и сейчас вместо обычного дождя, к которому по терпеливости своей все уже пообвыклись, сквозь туман брызгал мелкий и особенно противный. Барометр опустился весьма низко и согласно методе англичанина Гука предсказывал дальнейшие непогоды, грязь и слякоть расползлась по всей великой русской равнине, болотистый смрад петербургского бездорожья лез в ноздри усталым путникам.

Однако же и сквозь туман проглядывало временами солнце. И в эту эпоху жили, знаете ли, люди и даже не тужили. Конечно случались временами всевозможные войны, смуты, иногда даже чума и мор, но стоило лишь выйти красному теплому солнышку – и на чумазом изнуренном лице крестьянина проглядывала кривоизогнутая улыбка. Видно было, что сын полей совсем не в курсе происходящих в стране реформ, о которых государь пекся денно и ночно.

А между тем вековая трясина, в которой погрязла нация, постепенно отступала под градом указов и поручений, подписанных его императорским величеством. Все требовало немедленной реформации – и армия, спешно переделываемая по образцу прусской, и крестьянство, щедрой рукой раздаваемое в частное владение, и финансовая система, трещащая по всем швам. Даже дворян надо было пороть, что уж говорить о традиционно поротых-перепоротых податных сословиях. Выборы в дворянских собраниях заменялись назначением чиновников царской короной. Словом, пошатнувшаяся было при Екатерине вертикаль власти укреплялась усиленными темпами. Также шла энергичная борьба с вольнодумством и тлетворным влиянием западных стран.

Но все это было далеко, весьма далеко от сельской жизни. В этой жизни по полям и лесам раскинулись разнообразные деревни и прочие поселения. Одним из таковых было Надеждино, вотчина знаменитого князя Куракина. В это селение опальный уже не впервые в своей придворной карьере «бриллиантовый князь» съехал, став жертвой непостоянства милого друга, ныне императора Павла Петровича. Начиналось-то царствование для Куракина весьма как неплохо, и недаром среди обширной картинной галереи княжеского дворца появилось гигантское полотно «Коронация Павла I и Марии Феодоровны» работы Квадала. Однако же впоследствии между друзьями пробежала как видно черная кошка, в которой некоторые опознали фаворитку государыни Нелидову, и вот пришлось вновь возвращаться в деревенскую глушь.

Но поскольку в натуре князя было нечто сибаритское, то и эту ссылку он обставил всевозможными удобствами. Потомки впоследствии не уставали вспоминать и про коллекцию живописи, и роскошную мебель, и фарфоровые безделушки, да и вообще каменная усадьба была настоящим дворцом. Бродя по восьмидесяти комнатам и любясь двумя сотнями живописных полотен было как-то приятнее коротать ссылку. Не желая видеть подле себя людей низкого сословия, Александр Борисович даже дворецких нанимал дворянского происхождения. Понимая невозможность улучшить весь мир разом, он старался снабдить улучшениями на русский и иностранный манер хотя бы собственное скромное гнездо.

Бродя от Храма Дружбы к Храму Истины, кои оба были деревянные, несколько постаревший, но все еще красивый и крепко сложенный эпикуреец мог бы наслаждаться жизнью, однако судьба государства российского издревле была скроена так нескладно, что не понять было куда кривая вывезет. Его обитатели, начиная от высокородных и заканчивая простыми смердами, и не подозревали, что ход Истории вскоре будет значительно изменен.

* * *

Тем временем на туманном Альбионе как всегда строились козни. Ненадолго оставленный нами Борис Валерьянович решительно не хотел сидеть без дела. То есть конечно он несколько встревожился произошедшей с ним переменой и загадочным переносом так сказать во тьму веков, однако же быстро оправился. Причиной этому было огромное почтение, которое к нему начали проявлять и в далеком XVIII веке, бывшем впрочем уже на излете. Вошедший утром дворецкий обратился к нему «Мессир» и немедленно помог одеться Воодушевленный этим экс-олигарх постарался выведать у него все что можно.

– А? Что? Кто тут мессир? Я? – Борис Валерьянович никогда не утруждал себя дотошным изучением языка британцев, но тут, видимо от сильного волнения, его бывший пассивный запас слов немедленно стал активизироваться. – Ну конечно, я мессир! Кем же еще я мог оказаться?

– Мессиру угодно позавтракать после умывания? – осведомился дворецкий.

– А? Да? Угодно, угодно! Что у нас на завтрак?

– Овсянка, сэр!

– Боже, из какой комедии ... ах да, тут же у вас и кино не снимают. Ладно, пусть овсянка. Кстати не напомните, какой у нас сейчас век?

– XVIII столетие, мессир, – ответил слуга, решительно ничем не выказав своего удивления, если таковое у него и проснулось.

– А как тебя зовут? Я что-то запамятовал после вчерашнего, – хитрый БэВ решил разузнать все разом.

– Реджинальд, сэр. Я служу вам вот уже двадцать лет, – Слуга был невозмутим как британский бульдог после купания.

– Мне-э... превосходное имя, да, прекрасное. А как меня зовут?

– Назвать полный титул, сэр?

– Если не затруднит, Реджинальд, – промолвил Борис Валерьянович внешне спокойно, но внутренне уже скрежеща зубами.

– Великий магистр ордена белой подвязки, кавалер золотого мастерка, обладатель секретной высшей степени братства вольных каменщиков, герцог Оксфордский по побочной линии, всемогущий Черный Барон – под этим именем вас знают на континенте.

«Ух ты ё-мобиль, да это ж местный авторитет» – хотел было воскликнуть новоиспеченный Черный Барон, но к счастью удержался.

– Ну да, припоминаю. Вольные каменщики – это что-то вроде Ротари-клуба или что это? Местный «Голдман сакс»? Ну неважно, по ходу разберемся. Накрывай!

За завтраком повеселевший БэВ сожрал целую серебряную кастрюльку овсянки, давась и отплеываясь, и запивая ее противным легким элем, а кроме того изучил свежую «Таймс» от корки до корки и ознакомился с международной обстановкой и внутренним положением дел. Негодуя, что у этих чудаков нет даже телефона, не то что интернета, он все же уяснил что в доброй старой Англии в настоящий момент царствует Георг III, что революционная Франция – не лучшее место для уик-энда, да еще и воевать с ней приходится, что недавно к счастью Ирландию накрепко привязали к Британии путем слияния парламентов, а также и подкупа, о чем правда лишь намекали («на хрена им сдалась эта дыра, еще и дармоедов-волынщиков до кучи прихватили»), что народ недоволен всеобщей дороговизной а флот Канала бунтует.

«Да они всегда были недовольны, англичашки чертовы, что в XXI веке, что сейчас! Зажрались, сволочи – вон в России небось с голоду пухнут, а всегда довольны! – подумал олигарх без всякого почтения к приютившей его державе. – А тут адмирал Нельсон плавает туда-сюда, еще какая-то французская экспедиция в Египте...» – по характеру Борис Валерьянович

и сам был не удовлетворен решительно всем и всего ему вечно было мало. Он хотел было вычитать о нынешнем положении дел в далекой и почти забытой России, но про это в газете практически ничего не было.

«Ну понятно! Если только не война, про Нашу Рапу никто здесь не напишет... ничего не изменилось двести лет тому назад! Кстати, что там сейчас?» – Борис Валерьянович стал усиленно рыться в памяти. Ничего кроме курса школьной истории не припоминалось. Какие-то Павлы и Александры под разными порядковыми номерами мешались в одну кучу, хотя вообще-то бывший олигарх всегда интересовался судьбой своей исторической родины и по истории в школе имел твердую четверку с плюсом, а это ведь все равно что пятерка с минусом. Всюду виделась какая-то гадость, но должна же быть некая первопричина, так сказать источник всех зол?

«Модернизация – вот чего стране не хватало!» – внезапно подумал БэВ. Было совершенно понятно, что если зреть в корень, как учил еще великий Козьма Прутков со товарищи, то где-то в развитии России-матушки была допущена роковая ошибка. Дерево начало расти не в ту сторону, побеги завились кренделем. То ли татаро-монгольское иго, то ли не вовремя прекращенные или не вовремя начатые реформы Петра Великого, но где-то случился программный сбой. Разумеется Борис Валерьянович не упускал из виду и самую низменную славянскую природу русичей.

«Типичное быдло, белые негры! – думал неблагодарный олигарх о оставленной им как в пространстве, так и во времени исторической родине. – И всегда такими были, всегда! Тот они так ненавидят настоящих негров, чувствуют конкурирующее племя! Родное Катманду, блин. Я впрочем чернозадых тоже не люблю, но я – это я. Между прочим избранный, и неоднократно. И в XXI веке в Англии от ниггеров и всяких арабов с индусами было не продохнуть» – Эй, Реджинальд! – позвал он слугу. – А негры на нашем острове водятся?

– Рабов вывозят из Африки для нужд североамериканских колоний, сэр. Впрочем год назад у нас появилось противоневольничье общество «Африканская Ассоциация». Парламентская комиссия пытается облегчить их участь.

– Это совершенно лишнее! Никаких поблажек не должно быть, только сюда на остров не завозите! Пусть себе возятся там, в Штатах, – провозгласил БэВ, вспомнив что Североамериканские Соединенные Штаты уже успели появиться. – А виски у вас уже есть?

«Однако же вернемся к нашим баранам, – размышлял он далее, отхлебнув превосходного выдержанного скотча, который как оказалось изобрели в шотландских горах еще триста лет тому назад, – ведь в России правил этот чудик, Павел Первый, кажется? Ага, ага. Царь-модернизатор. Всех хотел построить по ранжиру, даже когда свет гасить надо – и то указы издавал, боролся за экономию энергии. Как одеваться кажется, и то вводил правила... Шагистикой занимался в армии, копировал стандарты НАТО. Молодец! И они, мерзавцы, вздумали его свергнуть и убить! Проклятые заговорщики. Золотой табакеркой в висок его величество, в собственном Михайловском замке. Кто там был-то? Граф Пален, старый интриган. Гвардейские офицеры... скоты! А потом сыночек Сашка сел на престол, и привел-таки орды казаков аж в Париж, хотя и не сразу. Ну не бывать этому!»

В голове олигарха, ныне Черного Барона, тут же созрел план не менее коварный чем у его противников. Его уже мало интересовало как вернуться назад, в свое время, так как скучная лондонская жизнь с ее однообразными попойками, гулянками и невозможностью реально влиять на политику в России-матушке уже порядком приелась. Хотя он сгоряча и пообещал, что коварного лорда Вольдемара вынесет ногами вперед его же собственная элита, чуда до сих пор не происходило, и приходилось скучать без дела, ну вроде как Ленину в Разливе. А тут открывалось целое море работы!

«Кто на печи все эти годы не лежал – тот всегда при бабле! Я и всю эту азиатчину работать заставляю... Всех модернизирую! Спаси рядового царя Павла Петровича! Заделаюсь при нем

главным советником, а там поглядим, куда повернет госпожа история. Может и ЧеКа никого не станет, никаких тебе полковников. Свободу деловым людям и малому бизнесу!» – с этой мыслью олигарх переделся из домашнего серого платья в глубоко черный камзол, нацепил поданные дворецким перстни и какой-то странный медальон с незнакомой символикой, и отправился в закрытый и типично английский клуб, где его уже ожидали очень важные персоны, по словам дворецкого. К счастью для БэВа слуга уже лет пятнадцать как перестал удивляться чудачествам хозяина. Он удивлялся лишь тому, что внешне тот совершенно не менялся.

* * *

Именно поэтому получилось так что колеса истории решили немного сбиться с предначертанного пути. Первые признаки проявились не сразу. Несмотря на морозящий в империи дождь, с помощью горячительных напитков и обжигающей любви графу Г. удавалось поддерживать бодрость духа и крепость членов. Ах да, надо же напомнить читателю кто это такой. Граф был разумеется красавцем с орлиным взором и благородной осанкой, наподобие испанского гранда, и даже коварным соблазнителем в молодости. Теперь же он отдыхал и почивал на лаврах в своей деревеньке, после головокружительных приключений, в которых у Черного Барона было отнято похищенное достояние империи в виде таинственных предсказаний монаха Авеля. Собственно говоря этот отдых несколько затянулся, да и немудрено – событие было из ряда вон выходящим, и государь лично наградил всех причастных, удостоенных монаршей милости.

Столь необычайное приключение позволило графу Г. оставаться графствовать в своем замке несколько дольше обычного. Горничные и служанки уже прискучили славному графу – ему хотелось маркитанток и даже почему-то монашек. Словом желательно было устранившись от оседлой жизни и вновь перейти к кочевой, выступив в поход. Активнейшие действия во благо отечества были приятнее даже позабытых ныне прелестей баронессы Ольги, в которую граф Г. был когда-то тайно влюблен. К тому же находясь за границей, в Париже и на водах, она несомненно подурнела, поскучнела и даже стала интересоваться политикой и религией. Словом для начала похода нужен был лишь случай.

И случай не замедлил представиться. Как обычно курьер привез ему письмо, но на этот раз курьер не казенный, так как отправлявший его очевидно временно не состоял на государственной службе. Граф Г. небрежным движением руки вскрыл пакет, вспомнил все и вздрогнул. Погоня за Черным Бароном галопом по Европам, даже и с осмотром достопримечательностей, представлялась превосходной в воспоминаниях, но не слишком привлекательной с точки зрения перспектив ее повторения. Граф обвел потолок замка из балок мореного дуба томным прощальным взором и тяжело вздохнул. Письмо звало его в дорогу, и немедленно. И спустя несколько времени он трясся в седле, топча копытами вороного коня размокшую от осенней хмари дорогу, бодрой рысью скача навстречу приключениям на свою филейную часть.

Опуская подробности надобно отметить, что он добрался в селение Надеждино Сердобского к слову сказать уезда Саратовской губернии без особых приключений. Огромный княжеский дворец, окруженный каменной оградой, серой глыбой возвышался в тумане среди лугов, рядом вилась речка Сердоба. К дому вел лабиринт из аллей и дорожек, каждая из которых имела свое персональное наименование, вроде «Милой тени» или «Цесаревича». Дворецкий провел спешившегося графа через анфиладу комнат, и вот он уже вошел в кабинет князя-эпикурейца, почтительно склонив голову и даже щелкнув ботфортами.

Вынужденная ссылка и некоторая отчужденность от Санкт-Петербургской жизни наложила на Александра Борисовича весьма неблагоприятный отпечаток, смотреть он стал слегка искоса и даже несколько в пол, а бриллиантовые пуговицы на шитом золотом камзоле как будто потускнели. Несмотря на свежесть окружающего воздуха лицо его несколько обрюзгло

и потемнело. Он остановил начавшего было кланяться в пояс графа взмахом руки и любезно указал ему на кресло рядом со своей особой.

– Садись, садись, любезный друг, и не кланяйся – голова отвалится. Я теперь не в фаворе, только ты вот и кланяешься, да дворецкий.

– Ваше сиятельство, я всегда останусь вашим самым искренним и преданным слугой, – отвечал ему граф, усевшись подтверже на стуле и положив свою шляпу с обширным плюмажем и золотым позументом себе на колени.

– Ну, ну, не надо лести – ты же знаешь, я этого не терплю. Положение мое весьма затруднительно сегодня. Государь на меня осерчал, уж и не помнит что вернее меня нет у него слуги, слышать моего имени не желает. И к чему прицепился, ведь пустяк – дескать я любезничал сверх меры с Каткой Нелидовой! Ей уже сто лет в обед, нашли чем попрекнуть.

– Говорили однако также, что не только с фрейлиной, но и с самой императрицей Марией Феодоровной вы были чересчур любезны, – присовокупил граф, отчего князь Александр Борисович, как раз в этот момент нюхавший крепкий табак из табакерки с серебряной крышкой, искусно изукрашенной камнями, даже чихнул и прослезился.

– Да как я мог не быть любезен с супругой нашего императора, сам рассуди! – воскликнул он, придя в негодование. – Я ведь за ней с великим князем еще в Берлин езживал, за принцессой нашей Софией Доротеей! Ты ко двору не близок, тамошних правил не знаешь. Хотя что я говорю – я теперь и сам от него весьма далек. Это все Ростопчин да Кутайсов, недруги мои, интриганы, наветы возвели. И брат мой Алексей более уже не генерал-прокурор, опустился до сенатора... Как раз за этим я и позвал тебя, дружочек. Ссылка моя затянулась и надобно ее прекратить. И ты мне тут, граф Михайло, первый помощник.

Граф Г. весь обратился в слух и даже перестал теревить перья на шляпе. А бывший вице-канцлер Российской империи обвел углы кабинета помрачневшим взором, посмотрел зачем-то на дверь и знаком показал гостю придвинуться к нему поближе.

– Пока мы с тобой прохлаждаемся в лесной глуши, зло поднимает свою страшную голову. Враги России не дремлют. И один из них, тебе уже известный, придумал дьявольский заговор против честнейших сынов нашей отчизны. Догадываешься ли ты, кто это?

– О мой бог, неужели... Неужели он, враг рода человеческого – Черный Ба... – хотел было произнести граф Михайло, побледнев как смерть и внутренне трепеща от ужаса, но князь Куракин остановил его взмахом руки.

– Не называй его имени, ты же знаешь – и у стен есть уши! Да, это он. Ты помнишь его по прежним его страшным делам.

– Не в обиду вам будет сказано, ваше сиятельство, но ведь к этим делам немного причастны были и вы... Пока мы носились по всему свету, по градам и весям старушки Европы в поисках записок монаха Авеля вы помогали этому негодю водить нас за нос, и даже устроили само похищение волшебной тетради из царского дворца! – граф Г. готов был простить прошлое, но не забыть его окончательно.

– Нашел что вспомнить, чем попрекнуть! – князь Куракин усмехнулся и похлопал по столу пышной дланью – Да ведь император наш Павел ныне стал Великим магистром Мальтийского ордена, а я назначен бальи Великим Канцлером Державного Ордена Святого Иоанна Иерусалимского! Ну и конечно нужно было дать братьям хоть посмотреть на ту тетрадь пророчеств, дабы они поняли что и мы в холодной России не только лаптем ушицу хлебаем, готовы трудиться с ними заодно... Но к счастью ты со товарищи во-время вернул пророчества на место, в Гатчинский дворец. Ты герой!

– Герой-то я конечно герой, но как мне убедиться в том, что и на сей раз вы не служите таинственному западному братству с Чер... с этим негодяем во главе? – спросил граф Г. быть может слишком дерзко.

Опять двадцать пять! – князь откинулся на спинку массивного кресла. – Ты будто не понимаешь, что денно и ночью пекусь я о благе отечества! И все мои помыслы направлены только на это. Вот тебе вернейшее доказательство...

С этими словами Александр Борисович встал с кресла и подошел к массивному ларцу на краю стола. Откинув тяжкую крышку, он достал оттуда небольшой конверт и протянул его графу Г. прямо в руки.

– Читай! – промолвил он зычным как раскаты грома голосом, привыкшим повелевать плебеями. – Вот тут, в этой писульке говорится якобы о заговоре против священной особы нашего государя Павла Петровича. Называются и имена заговорщиков – негодяй в своем чудовищном желании опорочить верных сынов отчизны именует графа Палена, графа Панина и еще многих... и откуда он понавыдергал сих сведений! Отстранение от подножия престола вернейших людей, как впрочем и меня, грешного, приведет не иначе как к краху всей державы нашей.

В это время граф Г., внимательно глядевший на содержимое конверта – краткое послание на аглицком наречии – не мог удержаться от недоумения.

– Но ведь на бумаге нет подписи? Откуда же ведомо вам, кто сочинитель сей злонамеренной лжи?

Князь огляделся еще раз, но как видно не обнаружив ничего подозрительного вокруг, поиграл перстнями на пальцах и произнес:

– Это письмо удалось перехватить нашим верным людям в Лондоне. К счастью оно не дошло до посланника. Государь весьма мнителен и переменчив, в последнее время он не доверяет решительно никому, даже членам своего совета. Ты должен предупредить графа Палена, губернатора петербургского, о сей измене. Мы правда не слишком близки, но его знакомец Никита Петрович Панин, дальний родственник мой и замолвил уж за меня словечко. Он ведь под моим началом в Иностранной коллегии служил, очень даровитый и здравомыслящий, авось не забудет старика. Я чай, после такой услуги граф Пален уж похлопочет о возвращении моем в Санкт-Петербург, к подножию престола... Да-с! Ты передай ему письмо сие, да еще от меня послание... да поклонись ему поглубже, авось голова не отвалится!

С этими словами Александр Борисович присовокупил английскую писульку о объемистому пакету, в котором как видно уже находилось его письмо генерал-губернатору. Протягивая его графу, он подмигнул и добавил:

– А письмо то посланнику нашему принесла одна птица...

– Сорока на хвосте? – не удержался граф Г. от ехидного вопроса.

– Ерничанье свое забудь! Не сорока и не голубь... а ворон! Помнишь, кто так послания свои рассылает?

Воспоминания о жутких черных птицах, летавших по всему миру и разносивших таковые письма счастья, не стали облегчением для графского сознания. Доказательства вмешательства черных сил стали налицо, поэтому он лишь принял пакет, нахлобучил поглубже шляпу на свою голову, поклонился князю уже на прощание и молча вышел из кабинета.

* * *

Надлежало прежде всего составить план действий. Как всегда делать это приходилось на ходу, точнее на скаку, но графу Г. было не привыкать. Пока добрый конь тряс его по осенней грязи, унося все дальше от Надеждина и все ближе к Северной Пальмире, он имел много времени дабы продумать план во всех подробностях. К несчастью ничего не придумывалось – иногда даже наличие времени и места неспособно заменить способность к аналитическому мышлению, в котором наш блестящий в целом граф был не всегда силен.

Тогда он решил не искушать понапрасну судьбу, а выполнив поручение князя немедленно найти какого-нибудь петербургского приятеля, с которым было бы веселее скакать навстречу приключениям в дальнейшем. Чутье бывалого вояки, ни разу впрочем не бывавшего на войне, подсказывало ему что одним визитом к губернатору дело не ограничится. Поэтому пока что он просто скакал, не обходя вниманием ни один из лежащих у дороги трактиров, дабы поддерживать свои силы в походе. К счастью в отличие от людей придорожные кабаки и постоянные дворы всегда отличались постоянством, и граф медленно но верно приближался к цели своего путешествия.

Северная столица великой империи, несмотря на столь громкое наименование, под дождем смотрелась весьма невзрачно и хмуро. Высокие каменные дома скрывались за пеленой набежавшего с Финского залива тумана, фонари желтыми пятнами сияли в ночи. Ехать с визитом к графу Палену несомненно было уже поздно – а посему следовало произвести срочную ревизию всех питерских кабаков на предмет нахождения своего приятеля по квесту, мусью Морозьявкина.

Вольдемар Морозьявкин был в некотором роде исторической личностью, так как вечно попадал во всякие истории. Собственно от рождения его звали Владимиром, но так уж повелось на Руси что если ты не князь Красное Солнышко то лучше именоваться на иностранный манер. Вечный студент, он на своем опыте воплощал поговорку «век живи – век учись», хотя и предчувствовал что помрет дураком. Успел он поучиться и в Московском университете, и за границей, словом был тем разночинцем, что берется за все, с равным успехом или же отсутствием такового.

Природное беспокойство и непоседливость не позволяла ему остановиться на каком-либо одном предмете, ни философия ни медицина не стала для него той путеводной звездой, что должна была протащить через всю жизнь и наконец счастливо привести к могиле. Ни в Сорбонне, ни в Лейпциге он хоть и побывал, но не остался, познакомился со множеством молодых и золотых дворян, но протекции не получил, и жил тем что давал уроки философии и французского языка питерским барышням, не брезгуя впрочем ни медициной, ни цирюльным ремеслом, ни даже и гаданием. Он как-то помог графу Г., с которым весьма сдружился во французской стороне, раздобыть украденные из России необычайно секретные бумаги, и даже был представлен к ордену Св. Анны, но полагающегося к нему дворянского чина так и не исхлопотал, предпочитая коротать время в кабаках в Адмиралтейских частях, в Московской, Литейной и прочая и прочая и прочая.

Учитывая столь обширную географию попок приятеля, граф Г. оказался в некотором затруднении – трактиров и кабаков в столице насчитывалось столь много, что откуда начать поиски было решительно неизвестно. На небе не было ни луны, ни звезд, одна из которых могла бы оказаться путеводной. К счастью бог питания Бахус не замедлил прийти на помощь графу – уже в пятом крыду трактире близ Невского проспекта до его аристократического уха донеслась отборная брань, которой трактирщик покрывал какого-то оборванца. Графское ухо немедленно пожухло и завяло, ему даже показалось что оно свернулось в трубочку, однако же сердце забилося сильнее. В бродяге, отругивавшемся от трактирщика теми же самыми поносными и простонародными словами, ему почудилось нечто знакомое.

– Ах ты... мерзавец этакий, подлец, негодяй. раздери тебя холера! Сожрал за троих, а платить кто будет? Да я тебя сейчас прямо тут в землю закопаю, а еще лучше на колбасу порублю! Всех тузиков и жучек в округе уже переловили, а гости между тем каждый божий день свежачка требуют, сейчас я тебя того-с!

Дивясь сим нехристианским мыслям, как будто бы и вовсе немислимым в просвещенной и культурной столице, граф Г. тем не менее преодолел брезгливость и собрав мужество в кулак направился к стойке. Там его взору открылась картина, достойная кисти художника: на стойке, схваченный за горло мозолистой рукой трактирщика, лежал его старый приятель

Морозьявкин... несомненно это был он! Одеждой он правда скорее напоминал бездомного бродягу, но не потерял присутствия духа и отбрехивался как мог:

– Да где ж это видано, так ломить за пару кружек пенного? Это беспредел! К тому же наполовину разбавленное... кислое, – последние слова Морозьявкин уже прохрипел, так как пальцы хозяина сжимались все сильнее.

– Кислое? Да ты сейчас тут сам скиснешь!

На этом месте гневный спич трактирщика был прерван – тяжелая длань графа Г., понявшего что он вот-вот потеряет вновь обретенного приятеля, опустилась на плечо зарвавшегося торгаша.

– Что за хрень господня? Ты кто еще такой? – начал было он и осекся, увидав воинственного графа, страшного в гневе, да еще и при полном параде – со шпагой в два аршина длиной, торчащими усами и горящими глазами.

– Я между прочим благородный граф Г. и не потерплю чтобы моих друзей обижали! – гневно промолвил граф.

– Да что ты говоришь? Граф Гэ? Полное гэ, или не очень? Мне плевать кто вы такие, главное свои денежки получить! А не то я...

Графу надоело слушать сии неслыханные претензии, к тому же весьма утомительные, поэтому он немедленно с размаху сунул железным кулаком в зубы трактирщика, а вывернувшийся со стойки Морозьявкин подхватил какую-то бутылку и с явным удовольствием разбил ее о башку хозяина. Обливаясь водкой, смешанной с кровью, тот повалился за стойку. Граф Г. остановил бросившихся было на выручку патрону половых молодецким взмахом шпаги, а затем, сменив гнев на милость, швырнул им несколько серебряных рублевков, не желая развивать конфликт далее. Звериные лица слуг немедля подобрели, они уволокли бесчувственного патрона куда-то в глубины трактира, а граф Г. и Морозьявкин, убрав таким образом досадное препятствие, смогли без помех отметить неожиданную встречу.

– Вот ведь негодяи, хотели заставить меня платить! – возбужденный Вольдемар не мог остановиться. – Мало им того что они имеют честь меня принимать! Ну не при деньгах я сегодня, что ж тут поделать.

– Кстати о презренном металле. Что с тобой случилось, и куда же ты просадил все царев жалование, что тебе было выдано за наши подвиги?

– Да какое там жалование, я уж и забыл о нем... Поиздержался! То одно, то другое, платье новое справил, опять же лошадку, домик завел небольшой в Адмиралтейской части, да бес попутал – картишки да выпивка, все просадил.

– Эх, бедолага! – выразил приятелю свое сочувствие граф. – Однако же при твоих многочисленных талантах к преподаванию и гаданию, неужели ты не сумел поднабить карман монетой?

– Да, давненько ты не бывал в наших краях! Засиделся у себя в деревне. Тут все как будто вовсе помешались. Даже вальс запретили танцевать – дабы не сблизать опасно особ разных полов! Круглые шляпы, и то вне закона, и англичан мы теперь не любим. Извозчиков, и тех регламентируют, у кого пролетка не по форме, так их из столицы выгнали. Свет в домах вечером тушат теперь по команде. Сейчас если и гадают, то только на то, когда все это кончится.

– Скажи, какие страсти! До нашей провинции и не доходят такие слухи. Однако же могу тебя утешить – и для тебя найдется служба.

– Служба? Служить бы рад, даже и прислуживаться... но кому? – Морозьявкин наострил уши как спаниель, учуявший утенка на болоте.

– А вот сейчас и расскажу. Зло, понимаешь ли, снова подняло свою черную голову! Надо спешить на помощь.

– Так поспешим! – Морозьявкин принялся уничтожать всю принесенную половыми снедь с удвоенной силой, не забывая запивать ее потоками всевозможного алкоголя. Жареные кол-

баски, цыплята, кислая капуста и пареная репа, пиво, водка, которую тогда кстати сказать делали еще без ректифицированного спирта, так как ректификационной колонны химии пока не изобрели, все это вливалось в его худое тело и исчезало там моментально. Граф Г. не поспевал за товарищем, однако после долгого перегона и сам закусывал с большим аппетитом.

Ужасающие подробности вселенской клеветы и напраслины, которую враг рода человеческого собирался возвести на лучших людей России почему-то не очень огорчили Вольдемара. Напротив Морозьявкин как-то повеселел, и сообщил что не худо было бы дабы этот заговор оказался чистой правдой.

– Да как у тебя язык повернулся сказать сии поносные слова? – возмутился граф Г. равнодушию своего товарища. – Да как же государство проживет без реформации? А реформы у нас возможны только сверху, и государь печется об этом день и ночь.

– Ну да, только вот незадача – допеклись до того, что и ввоз книжек иноземных запретили, а наши читать – тоска одна. За границу учиться тоже теперь не поехать, а у нас из учения одна муштра осталась. Типографии частные закрывают. Дворцовые серебряные сервизы и те в монеты переплавили – видно все уж разграбили, подчистую. Жулики и воры! Нет, я бы заговорщикам даже и сам бы помог! – с этими дерзкими словами Морозьявкин откинулся на спинку колченогого стула, криво усмехаясь, и графу захотелось самому его придушить.

– Ну полно нести чушь Нам надобно предупредить того, кто никак к сему заговору измышленному причастен быть не может – самого графа Палена, губернатора!

Самого Петра Алексеевича, то есть в девичестве Петра Людвига фон дер Палена? Да пустят ли тебя к его сиятельству? Он видишь ли так высоко взлетел, что и не всякого графа принимает.

– Меня примет, никуда не денется. Вот завтра же и пойдем, ты меня проводишь. А пока надобно устроиться на ночлег. Ты где ночуешь-то? Надеюсь не на улице? – граф расплатился остатками серебра и в компании приятеля вышел под серую хмарь дождливого неба.

* * *

Так как положение Вольдемара было уже близко к критическому, решено было не возвращаться в его каморку, в которой графу решительно не хотелось ютиться. Морозьявкин сказал что жалкий скарб и мелкие принадлежности кочевой жизни он заберет у домохозяина как-нибудь потом, когда будет возможность рассчитаться с долгами за квартиру, и граф порадовался его здравомыслию.

К сожалению дом князя Куракина что на Невском Проспекте тоже не подходил для ночлега, не только в силу того что брат его хозяина, Алексея Борисовича, отныне жил изгнанником в Надеждине, но и потому что домом теперь стал владеть тот самый купец Абрам Перетц, финансовый воротила и поставщик соли, про которого в Петербурге говорили «Где соль, там и Перетц». Таким образом дворец, в котором герои когда-то коротали время под княжеским крылом оказался закрыт для них, а знаменитое имение князей Куракиных, впоследствии известное как Куракина дача, готовилось уже согласно указа Павла I перейти к Ведомству императрицы Марии Феодоровны для поселения там каких-то сирот-подростков, трудившихся на Александровской мануфактуре, так что рассчитывать героям приходилось разве что на постоялый двор.

Заночевав в не слишком грязном номере постоялого двора «Гейденрейхский трактир» на Невском проспекте, невеликое количество клопов в котором порадовало Морозьявкина, но огорчило брезгливого графа, наутро герои привели себя в относительный порядок и взгромоздившись на коней, точнее говоря на превосходного и уже знакомого нам вороного графского жеребца и пегого конька, спешно приобретенного для Морозьявкина за половину целкового

на пропой у забулдыги-извозчика, поскакали к губернаторскому дому на том же Невском, у Полицейского моста над Мойкой.

Несмотря на то, что ранний визит и его причины очевидно звучали весьма необычно, военный губернатор и генерал от кавалерии Петр Пален соизволил принять графа довольно-таки быстро. Прождав в приемной не более трех четвертей часа и вызвав гнев сановников, которым пришлось дожидаться аудиенции и далее, граф Г. был приглашен адъютантом в просторный, но по-немецки скромно обставленный кабинет.

– Прошу прощения, я кажется заставил вас ждать, – произнес граф Пален отрывистым и сухим голосом. – Обязанности губернатора столь славной столицы как наша весьма обширны и многообразны, по воцелствии государя на престол строительство идет повсюду, дворцы, памятники, заводы, всюду нужен мой ахтунг, и я не могу отвлекаться по пустякам.

– Я не собирался отвлекать ваше сиятельство попусту, однако же дело не терпит отлагательств. Извольте прочесть, – с этими словами граф Г. передал губернатору пакет от князя Куракина.

Распечатав восковую печать и вскрыв послание, губернатор принялся читать его содержание при неверном свете длинной белой свечи, пытавшейся разогнать утренний сумрак. По мере чтения хищное лицо его, и так продолговатой формы, казалось все более вытягивалось, тонкий нос казалось заострился, а высокие брови вздернулись еще выше. Наконец он оторвался от текста и вновь взглянул на графа.

– Очень любопытное послание. Вы знакомы с его содержанием?

– Александр Борисович посвятил меня в общих чертах, и я считаю что долг каждого дворянина способствовать пресечению распространения сей злонамеренной клеветы на корню, – ответил граф Г. склонив голову.

– Похвально, похвально, что у нас в державе есть такие преданные дворяне как вы. Именно – пресекать! Негодяи упоминают и мою фамилию с целью оклеветать и опорочить меня во мнении императора. Павел Петрович и так непостоянен и уже исключал меня из службы. Терпеть дальнейшие интриги, тем более чинимые нашими недругами в Англии, я не намерен.

– Князь Александр Борисович сейчас также отлучен от двора и в опале, – позволил заметить граф Г. – Возможно вы, пользуясь своей близостью к императору, могли бы похлопотать за него...

– Мы не приятели с князем, однако и впрямь Никиту Панина, его родича, я хорошо знаю и весьма уважаю. Тут есть послание и от него и еще... – граф Пален порылся в конверте, и уху графа Михайлы послышалось нечто, весьма напоминавшее шелест ассигнаций.

– Еще рекомендательные письма? – проницательно спросил граф Г.

– Да, за подписью графа Шувалова, директора государственного ассигнационного банка. Ну что же, у князя Куракина много влиятельных друзей, да и человек он славный, иностранными делами заправлял. Полагаю он еще пригодится России... как и вы надеюсь. Я замолвлю словечко перед государем при первой же возможности.

Припомнивши советы князя и еще раз поклонившись, граф Г. вышел из строгого кабинета. Морозьявкин, который поджидал его на улице, ожидая каких-то подробностей визита, так ничего и не дождался. Граф был весьма немногословен, и только покрепче подхлестнул лошадь, так что она понесла с места в карьер. Кляча Морозьявкина еле поспевала за ним, вынуждая седока кричать: «Эй, стой, погоди!»

А в это время граф Пален, еще раз перечитав принесенное ему послание, подозвал своего адъютанта. Когда тот вошел и почтительно стал ожидать указаний, губернатор отрывистым голосом повелел послать нарочных к графу Панину, князю Zubову и еще ряду лиц. В переданных записках были слова: «Лис почуял западню, ускорьте ваши приготовления». Конные курьеры быстро ускакали, некоторым пришлось ехать долго, а другим – совсем неда-

леко. Колеса заговора завертелись еще быстрее, ведь ряд гвардейских офицеров недоволен был только тем, что их вожди еще что-то долгонько тянут.

* * *

Однако же в большом городе путников всегда подстерегает много неожиданностей, и никогда нельзя оставаться в одиночестве надолго. Неожиданности бывают как водится разного рода, приятные, не очень и вызывающие целую гамму разных чувств. Именно такую гамму чувств пришлось пережить приятелям, когда они совершенно неожиданно увидели перед собой хрупкую фигуру в черном. Фигура несомненно была женской, закутанной в длинное платье и вуаль под шляпкой. Взмахнув тонкой рукой, она поманила их за угол, за которым немедля скрылась и сама. Морозявкин и граф Г., как зачарованные кролики, в полном молчании слезли с коней и пошли по ее следу, впоследствии не раз недоумевая зачем они это сделали.

За углом как выяснилось их не ожидало ничего хорошего – на друзей немедля накинулась целая стая сыщиков, схватила их, связала, надела на голову мешки, предварительно вбив в рты кляпы, и погрузив в черную как вороново крыло закрытую карету с решетками на окнах повезла в неизвестном направлении. После долгой тряски по плохим дорогам, которая показала особенно мучительной ввиду неизвестности маршрута, приятелей распаковали, сняли пыльные мешки с голов и наконец-то развязали рты и руки.

Отплеываясь граф с Вольдемаром огляделись по сторонам и заметили что находятся в низком подвальном помещении с каменными сводами, из-под которых капала вода. Кроме них здесь не было никого, если не считать той фигуры, что восседала за низким дубовым столом, устеленном листами и уставленным чернильницами. Из-за яркого света масляной настольной лампы с куполообразным абажуром черты лица шурящемуся графу удалось разобрать не сразу, а когда это все же произошло, он ахнул. За столом восседала их старая знакомая, Лиза Лесистратова, бессменная сотрудница Тайной экспедиции, которая когда-то путешествовала вместе с ними по Европам, стремясь раздобыть пропавшую тетрадку с предсказаниями монаха Авеля. Теперь же она как говорили добрые языки была в фаворе у самого государя, и очевидно сделала крутой карьер.

– Сударыня, вы ли это! – промолвил граф Г., оставаясь галантным как всегда.

– Ах ты... ты... это значит ты! – завопил Морозявкин, который был не так любезен. – Значит из-за тебя нас схватили, заховали в мешок как котят в ярмарку, кинули на дно повозки, без всякого почтения и завезли незнамо куда?!

– Ну не буду больше вас томить – да, это я! А это место – Петропавловская крепость, – Лесистратова посмотрела на приятелей сквозь разделявшее их пространство и улыбнулась весьма иронично. Она была молода и хороша собой, приятное овальное лицо обрамлялось шапкой темных волос, носик был небольшой, губы чувственные, ее только портили лисий взгляд лучистых глаз и хищная улыбка, при которой казалось что улыбается морское чудовище акула, с полной пастью зубов.

– Позвольте вас спросить, чем же мы обязаны честью столь приятного свидания? – поинтересовался граф Г., по-прежнему шурясь на лампу и на хозяйку подвального кабинета.

Лесистратова помедлила несколько секунд, а потом поглядела на арестантов сквозь модный тонкий лорнет на длинной ручке, чего ранее за ней не наблюдалось.

– До нас дошло известие, что вы, господа, привезли графу Палену некое секретное послание... так ли это? – осведомилась она и уперла свой взгляд в обоих поочередно.

– Вот ведь вздор какой, ничего мы никому не привозили!»! – заорал Морозявкин еще громче прежнего.

– Помолчите! Запираться бесполезно. У нас длинные руки и чуткие уши! – прикрикнула Лизонька, слегка покраснев от натуги.

– У меня тоже чуткие уши! – выкрикнул Морозявкин, но граф Г. ловко заткнул ему рот на некоторое время.

– А откуда у вас сии сведения? – поинтересовался он на всякий случай.

– Мы не раскрываем наших источников, однако же могу сказать что среди лакеев и прочей челяди всегда найдется множество людей, готовых помочь верным слугам Государя. Так что не советуя запереться!

– Как? Вы посмеете требовать показаний от дворянина?! – возмутился граф Г., может быть даже слишком наигранно.

– Теперь и дворян разрешено допрашивать с пристрастием... а к вам, граф, я буду особенно пристрастна! – Лизонька порылась в ящике стола, гремя каким-то железом и достала что-то вроде огромных щипцов, при взгляде на которые граф Г. побледнел, а Морозявкин даже позеленел. Она поднесла щипцы поближе к возможным преступникам и звонко щелкнула ими несколько раз.

– Матушка-голубушка, государыня! Царица! Не погуби! – взвыл Вольдемар и бухнулся в ноги сыщице, отбросив напрочь все свое свободолюбие и вольномыслие.

Граф Г. посмотрел на таящиеся в глубине зала грубые деревянные ложа с металлическими застежками для рук и ног, дабы допрашиваемый не мог пошевелить ими, и внезапно почувствовал острый приступ любви к Отчизне, и потребность рассказать все без утайки старой знакомой, к тому же такой очаровательной женщине с шармом и несомненной харизмой.

– Откровенно говоря, я и сам собирался, сударыня и даже почитал своим долгом открыться вам... – начал он свое чистосердечное признание.

– Ну-ну, – ободрила его Лизонька, – продолжайте, ведь главное начать!

– И вправду меня просили передать некое послание от князя Куракина губернатору, – начал граф, стараясь лавировать так чтобы не выдать благодетеля, но одновременно и не рассердить мамзель Лесистратову.

– А о чем шла речь в сем послании? Нас интересует все – имена, адреса, фамилии! – прикрикнула Лиза и хлопнула ладошкой по столу так что доски зазвенели.

– Гнусная клевета, наветы! Интриги Англии! Заговор, составленный англичанами дабы опорочить графа Палена и других вернейших и полезнейших нашему отечеству вельмож! – быстро выкрикнул граф Г., и несмотря на все свое прославленное мужество зажмурился.

– Клевета? Навет? Да, нам известно, что британцы не любят нашего государя из-за создания им антианглийской коалиции и рады были бы его устранению. Однако же что если в сем послании содержатся подлинные сведения? – спросила Лиза подозрительно. – Вдруг и в Англии у нас нашелся какой-то доброжелатель?

– Доброжелатель? Да это... Это Он! Черный Барон! – выкрикнул граф Г. в отчаянии. – Тоже мне, нашла доброжелателя. С чего бы ему желать добра России и ее императору? Наверняка если заговор и есть, то в нем участвуют совсем другие люди, на английские же деньги, а это все грязная ложь с целью отвлечь внимание патриотов отчизны!

При произнесении этих слов про барона масляная лампа мигнула и на миг померкла, по комнате пробежал могильный холодок, Лесистратова побледнела и сжала руки, а Морозявкин забился в угол, однако же граф в своем разоблачительном порыве ничего не заметил.

– Ну мы посмотрим и во всем разберемся, проверим самым тщательным образом, – процедила Лиза сладким голосом, опомнившись и взяв себя в руки. – А кто сказал, что это происки Ба... ну вы знаете, кого?

Граф Г. поведал ей услышанную от князя Куракина притчу про то, как письмо притащила огромная черная ворона. К его удивлению, Лиза вовсе не стала смеяться. Она схватила перо и быстро строчила строчку за строчкой. В миг настрочив целый доклад, сыщица перечитала его содержимое, удовлетворено хмыкнула и объявила что более никого не задерживает, но будет неустанно следить за всеми. Отпущенные с миром граф Г. и Морозявкин, стоя перед воротами

крепости на Заячьем острове, из которых их выпихнули так же споро, как и впихнули, долго еще не могли отдышаться и лишь удивлялись деловитости и хватке старой приятельницы, а также полному отсутствию у нее каких-либо приятельских чувств.

* * *

А в это время где-то в Англии, а точнее где-то в Лондоне, а еще точнее – где-то во дворце Черного Барона многие известные и достопочтенные члены закрытых клубов и тайных общин также испытывали недоумение. Былая антифранцузская коалиция, в которую Россия входила вместе с Британией, а также Австрией и Турцией, уже не существовала. Император Павел, обидевшись на союзников-англичан, вероломно захвативших Мальту, которая несомненно должна была стать нашей и отойти под высокую руку нового главы Мальтийского ордена, вывел войска из Европы и решил действовать уже против британцев и подбить на это всех остальных государей. Поэтому в Британии он стал считаться лицом, решительно нежелательным к его дальнейшему существованию. И тем более удивительным было поведение самого мессира, или же Барона, в которого по мнению многих достопочтенных сэров словно бес вселился.

– Вместо того чтобы тратить наши деньги и усилия на свержение этого возомнившего о себе ничтожества он как будто бы пытается его спасти? Где это видано?

– Говорят сэр Павел даже снюхался с Наполеоном и по образу и подобию перехода старика Суворова через Альпы намерен устроить совместный с французскими собаками поход на Индию дабы потревожить наши колонии. Мы должны устранить его немедленно!

Подобные разговоры разносились по курительной замка, но дальше шепота дело не шло. Черный Барон, который почему-то начал говорить с акцентом и временами путал слова, с жаром убеждал всех что царь-реформатор – это самое эффективное орудие англичан против русских козней, что страна под его началом не протянет и двух лет, что лучше чем он никто не сумеет развалить ее финансы, экономику и политику, а далее остатки России как спелый плод сами свалятся им в руки, поэтому Павла надо спасать и спасать всеми способами, оберегая от заговоров и покушений недовольных россиян. Хитроумная логика этих рассуждений была доступна не всем, однако часть почтенных джентльменов с внешностью и повадками бульдогов, подымив сигарами и выпив на круг несколько бочонков превосходного скотча с ними согласилась.

* * *

Разумеется ничего этого ни граф Г., ни Морозьявкин ни даже хитрая Лиза не знали. Но даже и граф, наезжавший в столицу лишь временами, почувствовал что в воздухе носится какое-то состояние тоски и лихорадки, как писали об этом впоследствии современники. правда сделались менее вороватыми, однако же царское правосудие угрожало всем, и это заставляло население очень нервничать и волноваться.

Однако же набежавшее облако сомнений и раздоров, как это часто водилось на Руси, потонуло в зимних праздниках. Веселие тут издревле было питием, как говорил об этом еще Петр Великий, Рождество, святки, колядки и прочие развлечения как-то незаметно подкрались к утомленным путникам. Впрочем, они и не особенно сопротивлялись – понятно было, что приключения, начавшись, еще нескоро закончатся. С самого начала стало ясно что на постоялом дворе долго не продержаться и надо искать какое-то более постоянное пристанище. Некоторое время поломав голову над этим, граф с другом Вольдемаром остановились в своих поисках на симпатичном домике, который расположился в петербургских закоулках, и комнаты в котором сдавались внаем милой домохозяйкой-немкой, впрочем вполне обрусевшей.

На прелести домохозяйки однако же обращал внимание в основном Вольдемар, придававший немалое значение этому аспекту жизни, и немедленно начавший не только играть обычные любовные шашни, но и строить далеко идущие планы насчет женитьбы, благо невеста была с богатым приданым в виде маленького, но весьма доходного дома.

– Да как ты можешь думать о столь низких материях, когда решается судьба отчизны? – гневно вопрошал граф у приятеля, когда они оставались наедине.

– Ну не скажи, без решения этого вопроса и всех остальных было бы не решить – люди бы просто вымерли! – Морозьявкин никогда не забывал о простых радостях жизни.

– Ты неисправим, – произнес наставительно граф Г.

– Так это у тебя, знаешь ли, под боком всегда куча служанок и горничных, внушек и жучек и еще бог знает кого, для удовлетворения твоих сиюминутных желаний, а нам, простым смертным, приходится все добывать самим, в поте лица своего. Вот симпатичная барышня, одинокая, кровь с молоком, бюст как у статуи Венеры Милосской, но к счастью не безрукая и с приданым – как же не обратить на нее внимание?

– Да какие внучки! У меня и детей-то нет... наверное. И что же, она отвечает тебе взаимностью? – спросил граф с некоторой иронией в голосе.

– А как же! – самодовольно ответил мусью Вольдемар. – Чего бы ей и не ответить такому красавчику как я? Я парень первый сорт, ведь так?

– Только слегка подержанный и поезженный, – отвечивал граф, стараясь сохранить объективность.

Морозьявкин собрался уже было обидеться, но в это время домохозяйка как раз постучалась в дверь перед тем как войти самой.

– Ах, герр Морозиффка, я вас так любить, но когда же вы заплатите за фатера? – начала она еще с порога.

– Ну вот, опять начинается за рыбу гроши! Ради чего же мы сменили место дислокации? И тут стяжательство... Гретхен, – обратился он к розовощекой фрау, смотревшей на него как на непослушного младенца, – я отдам все... натурой!

– Что это есть значит, отдать натурой? – поинтересовалась Гретхен с недоумением, не забывая впрочем прикрывать декольте ладошкой от нескромных взглядов, как благовоспитанная дама.

Морозьявкин пообещал объяснить это нынче же ночью, однако граф Г. решил прервать затянувшуюся шутку, тем более что экономная немка все равно не приняла бы взамен денег никаких, даже самых пылких ласк. Проявив аристократическую щедрость, он как обычно заплатил и за себя, и за товарища, чем заслужил незапланированный поцелуй от Гретхен, заставивший Морозьявкина скривиться как будто у него заболел зуб.

– Не хмурьтесь, герр Морозиффка! Посмотрите, ведь за окном наш славный праздник – Das Weihnachten, Рождество!

Граф Г. и Морозьявкин, следуя совету, смотрели в окно, за которым пролетало и Рождество католическое, и тут же православное, и сам новый год, и веселые святки, стояли на своих местах украшенные еловым и сосновым лапником питейные заведения, что также было заведено великим Петром, впрочем у Гретхен в доме была целая нарядная елка – немецкие переселенцы чтит рождественские традиции. Так что приятели постоянно были заняты, одни кутежи сменялись другими, попойки, гулянки, катанье на санках, потом надо было ловко посылать подальше приходивших колядовать, так как на всех, по уверению домохозяйки, не хватило бы никаких домашних припасов, ни гусятины, ни конфет, ни пирогов.

– К черту зиму! – стал наконец повторять Морозьявкин, очевидно богохульствуя, – мне надоели все эти святочные песни и восхваления! У меня в глазах рябит от рождественских фонариков! Скорее бы весна!

И весна не замедлила явиться. В Санкт-Петербурге правда весна приходила долго и неохотно, так как сырой северный морской воздух никак не хотел прогреваться. Однако же постепенно и сюда добралась предвесенняя капель, и солнце стало выше, и воздух начал теплеть. Дома, расположившиеся правильными линиями, начали стряхивать с себя седые сугробы и представлять в том виде, в котором их задумали архитекторы. Небо стало чуть синее, зажурчали первые ручьи, приятели очнулись от зимней спячки и начали постепенно разминать свои застоявшиеся за зиму члены.

* * *

Но члены разминали не только они. Заговорщики и царские враги тоже не дремали. Граф Николай Zubov, брат князя Платона Zubova, фаворита Екатерины, грубый человек богатырского сложения, прозванный за свою внешность «Алексеем Орловым фамилии Zubovых», сидел в кресле в одном из многочисленных имений родича и перекачивал в своих мощных мускулистых руках массивную золотую табакерку.

– Придушил бы гниду! – говори он с ненавистью в голосе, имея в виду очевидно священную особу государя императора. – Или по башке вот этим вот предметом... либо кистенем... ну что там под руку попадется! Даже не знаю что и выбрать.

– Дойдет до дела, братец, там уж и выберешь! – утешал его младший брат Павел, красавец, бывший фаворит Екатерины, поднявшийся когда-то до высот самого Потемкина, отправленный было в отставку императором, но вернувшийся в Петербург благодаря хлопотам наивного графа Кутайсова, возжелавшего с ним породниться. – Главное – ввязаться в драку, а там посмотрим!

– И то дело, да уж поскорее бы, невтерпех! – энергично произнес брат Николенька, и отложив табакерку и схвативши лежавший рядом кинжал, ловко метнул его в парсуну, сиречь портрет Павла I, привешенный к стене в качестве мишени. Кинжал пробил холстину портрета насквозь и глубоко ушел в деревянную стенку. Метатель самодовольно взбил густые бакенбарды.

Между тем в северную столицу вернулся уже и князь Куракин. Генерал-губернатор Пален сдержал свое обещание и при очередной встрече с государем замолвил словечко за опального вельможу.

– А, милейший князь Александр Борисович? Да, помню, как не помнить... Друг детства! А почему вы столь неожиданно упомянули о нем, граф? – интересовался Павел Петрович весьма подозрительно.

– Да как-то вспомнилось само собой, – почтительно отвечал государю генерал-губернатор. – В Петербурге стало сейчас весьма пустынно. К сожалению многие верные, истинно преданные и вполне безобидные ныне удалены от трона...

– Так ли? Мне кажется, Петр Алексеевич, что и сейчас в столице слишком много подозрительных господ! Они возвращаются один за другим, а вы смотрите на это сквозь пальцы. Я получил известие, что против меня задуман заговор!

– Это абсолютно невозможно, государь, ведь нужно, чтобы я в нем участвовал, – пояснил генерал-губернатор, и улыбнулся весьма искренне и добродушно.

– Значит все это ложь? Хотел бы в это верить. Вы меня успокоили. Ну что ж, что касается судьбы князя, то я напишу ему, что он может вернуться... Я и впрямь соскучился. Кроме того, Ростопчин мне уже несколько надоел. Мне кажется что он не вполне на своем месте.

– Совершенно согласен с вами, государь.

На этом аудиенция закончилась.

* * *

Вот как случилось, что государь решил отписать несколько приятных строк опальному князю, и тот после отставки Ростопчина вновь стал вице-канцлером. Вернувшись в блистательную столицу, вновь сиятельный князь не замедлил призвать к себе графа Г., дабы поделиться с ним радостью. Он принял графа в помещении, носившем следы быстрого переезда и благоустройства на скорую руку. Всюду валялись какие-то баулы, чемоданы, шкатулки, а также золотые пряжки, серебряные цепочки и отдельные россыпи камней, жемчужин и прочих драгоценностей, так что граф подумал, что при переезде наверняка что-нибудь да пропало и в немалых количествах. Впрочем его сиятельство это кажется ни капли не беспокоило.

– Да сколько б ни пропало, у меня найдется еще более! За поздравления благодарю, но не трудись считать мои сокровища, дружок, все равно всех не сосчитаешь. Их как звезд на небе!

– Открылась бездна, звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна, – позволил себе произнести вслух стишок граф Г.

– Помнишь вирши старика Ломоносова? Ну хоть чему-то в своих университетах научился, – произнес Александр Борисович и несколько прищурил взгляд, – все ведь только начинается! Гости уже съезжаются на представление.

– На какое представление, ваше сиятельство? – спросил граф Г. недоуменно.

– Да разве ты не знаешь? Об этом говорит весь свет – свадьба великой княжны. Государь уже пригласил всех сановников, славное будет торжество, скажу я тебе! Можно сказать, историческое, – ответил ему князь. – С него начнется новая страница истории российской!

* * *

И как показал дальнейший ход событий, его сиятельство в очередной раз был совершенно прав. Страница судьбы действительно вот-вот должна была перевернуться, однако же на этот раз в ход Истории решила вмешаться чужая рука, прямо волосатая лапа провидения. Действительно и граф Пален, и братья Зубовы уже настроены были действовать самым решительным и скорым образом. Маленькое зернышко недовольных на Руси никогда не было чересчур мало, а здесь для него была вспахана слишком уж обильная почва. Недовольство широко распространилось среди жителей не только обеих столиц, но и малых городов, и именно это заставляло заговорщиков ускорять свои действия.

Князь Платон Зубов собирал своих сторонников весьма простым способом – будучи не в состоянии обзвонить всех по сотовому телефону за отсутствием таковых, он просто проезжал на санях по Невскому проспекту и приглашал на дружеский ужин тех, кого считал полезным для заговора и чьи взгляды были уже хорошо известны, начиная с графа Беннигсена, командира Изюмского полка легкой конницы, к которому князь вначале собственно хотел было напроситься в дом сам, но видя холодность последнего к сему предложению, пригласил графа отужинать у себя.

– Господа! – начал князь свою речь перед собравшимися генералами и офицерами после окончания обильного ужина в первой половине марта месяца. – Отечество в опасности! Положение России плачевно! Наш государь, он... просто сумасшедший!

– Эка, голубчик, открыли нам Америку! – ответствовали ему присутствующие. – Сие нам всем давно уже и доподлинно ведомо. Но что ж вы предлагаете?

– Нетрудно догадаться, что я предлагаю вам – то, что и так очевидно уже каждому. Разрушается благосостояние страны, не блюдутся ее интересы. Мы не можем каждый божий час ожидать новых выходов сатрапа. Никто из нас не может быть уверенным в собственной безопасности. Нам нужна скорая перемена, давно уже желанная!

– Что же это за перемена? – спросили его собравшиеся, очевидно все еще не в силах уразуметь столь ясное предложение.

– Тиран должен пасть! А великий князь Александр занять его место! – промолвил Zubov, прекрасный в свете свечей канделябров и отблесках хрустала.

На мгновение все оцепенели, хотя и давно этого ожидали. Тем не менее многие из собравшихся, в мгновение ока превратившихся в заговорщиков, очевидно колебались при мысли о сем злодействе.

– Да согласится ли он? Слышанное ли это дело – чтобы сын восстал противу родного отца, да еще и императора к тому же?

На это граф Пален, также присутствовавший там и ловко перехвативший нить беседы, выскользнувшую было из рук князя Zubova, заявил что сын, удрученный положением державы, которую любит более родной матери и тем более отца, уже без сомнения согласен и вполне одобрил сей необычный проект.

– Великий князь Александр решил спасти родину во что бы то ни стало! – добавил и Zubov. – Это единственный путь, что только и может уберечь Павла от неминуемой гибели – его отречение и провозглашение наследника престола императором. Изумительные душевные качества Александра, истинного наследника славы императрицы Екатерины, обеспечат России блестящую будущность под его скипетром!

Незадолго до описываемого события граф Пален действительно имел с великим князем Александром продолжительную беседу. Он объявил смятенному наследнику, что заговор уже раскрыт, что государь в страшном гневе и намерен подписать указ о заточении самого Александра вместе с братом его Константином в казематы, а императрицу с великими княгинями повелел сослать в монастыри. Поклявшись что ни один волос не упадет с головы Павла, он наконец с величайшими трудами вырвал у наследника согласие на участие в заговоре.

– Ну раз так, то сомнений больше нет! Великий князь Александр с нами! Мы согласны на все! – дружно воскликнули собравшиеся.

В это время к фон дер Палену подошел слуга и передал ему какую-то записку, прочитавши которую тот нахмурился и объявил присутствующим что должен непременно оставить их на короткое время, так как вынужден исполнять свои обязанности генерал-губернатора и отъехать во дворец. Выйдя из дома князя Zubova, он тут же был перехвачен своим адъютантом.

– Ваше превосходительство, прошу прощения что побеспокоили вас во время сего застолья, но кто-то донес императору, и мы чудом успели перехватить письмо! – сообщил графу моложавый, но уже весьма бойкий адъютант.

– Так-с, это уже становится занятным. Кто доносчик?! – произнес фон дер Пален ледяным голосом.

– Мы думали на генерал-прокурора Оболянинова, хоть он лишь непонятливый бесталаный болван... тайная экспедиция равнодушна к нам! Грешили и на Мещерского, но судя по почерку – не они! Масса писем на имя государя идет от британского посланника и его агентов, что-то доносит и русское посольство в Британии... англичанка гадит!

– Да что ж британцы, наконец что ли ополоумели? Они хотят войны? Разрыв с Англией для нас безрассуден, и они не могут этого не понимать, вскоре англичане нападут на наши балтийские порты, столице грозит опасность, они должны тратить золото и силы агентов на свержение Павла и помогать нам, а не поддерживать его!

– Возможно в коварном Альбионе решили, что выгоднее разорить Россию и разложить ее изнутри, потакая безрассудству Павла. А его военного гения и «прусской» армии англичане не слишком боятся, – проницательно ответил адъютант и склонил голову.

– Похоже на то... Ну что ж, ночь еще не кончена. Поеду в Михайловский замок, а когда вернусь – выступим. Еще не утро! – отвечал ему Пален и с этими словами отбыл во дворец.

* * *

В то время история России оказалась как никогда близка к своему изменению – в ту пору в Санкт-Петербург, никем не узнанный, не остановленный и не встреченный, прибыл сам Черный Барон. Он не приехал на санях, наподобие запоздавшего Санта-Клауса или же Пер-Ноэля, но пришел вместе с британской эскадрой под началом Нельсона, которая бросила якорь на копонгагенском рейде. Передвигаясь кое-где на лодке, а временами и пешком по льду с котомкой за плечами, на манер бывалого полярного волка, бывший олигарх, а ныне мессир барон подозрительно легко проник в город, заставы которого как дырявое решето в это время принимали всех подряд, задержавши только спешившего на помощь к Павлу Аракчеева. БэВу даже не пришлось доставать целую кипу хитрых пашпортов из походного баула, где их наряду с бельем и платьем набралось бы на любой вкус.

– Как и в мое время – в городе никакого порядка! – начал с порога ворчать Борис Валерьянович, по своему характеру склонный во всем замечать скорее плохое чем хорошее. – Ни постовых, ни городничих, темно как в зобу африканского страуса, на всю улицу три фонаря! Сосулей повешали повсюду... Снег забил все ботфорты, мать вашу за ногу и об угол!

Снегу и точно оставалось еще немало, и он точно пудра забивался путникам в ноздри, под мышки и еще куда ни попадая, немедленно заставляя прохожего сыскать себе хоть где-нибудь справную шинель и зорко хранить ее от разбойников. Будучи в глубине души эпикурейцем, ни в советское, ни в постсоветское время не вылезавшим в бытность в Питере далее Невского проспекта, рядом с каковым выбиралась и гостиница, БэВ отметил, что город ничуть не изменился.

– Дома все те же, слава богу. Правда тротуары почище. Ну-тес, где тут мои дорогие слуги, тайные агенты, шестерки и прочие бесы? Чего это они меня не встречают? Хватит бездельничать, за дело!

В кратчайшие сроки развив кипучую деятельность, бывший олигарх, и так заваливший своими жалобами на заговорщиков ящики для почты в Тайной экспедиции и прочих присутственных местах, вплоть до Святейшего Синода, решил сообщить о надвигающемся бедствии лично императору, для чего настроил подробнейший донос Кутайсову, бывшему брадобрею Павла, состоявшему ныне в должности шталмейстера и сделавшегося андреевским кавалером.

Не доверяя никому, собрав наиболее преданных слуг – трех молчаливых глухонемых шотландцев, Борис Валерьянович тайно проник в дом Кутайсова и собственноручно подложил письмо ему в карман камзола. К его крайнему удивлению и негодованию, Кутайсов внезапно обнаружив эти письма даже не стал их читать.

– Пожалуй отложу это дело, до завтрашнего дня потерпит! – произнес он весьма беспечно, видимо решив предаться обычным ночным наслаждениям.

– Да что тут в XIX веке, одни бездельники что ли собрались? Как эти лузеры вообще собираются дожить хотя бы до XX столетия? – скрежетал зубами БэВ, подглядывая в щелку двери, за которой он затаился дабы насладиться эффектом. – Придется самому... Опять все сам! Ну что ж, как говорят мои американские хозя... то есть партнеры, если хочешь чтобы что-то было сделано как надо – сделай это сам!

* * *

А незадолго до описываемых событий граф Г. был весьма неожиданно вызван на randevу к своему благодетелю – князю Куракину. Войдя к тому в кабинет и по обыкновению почтительно поклонившись, граф был весьма удивлен крайней серьезностью сиятельного князя, весьма не вязавшейся с тем обретением вновь блестящего положения в обществе, что состоя-

лось столь недавно. В кабинете царил неожиданно строгий порядок, и даже шкатулки с драгоценностями были прибраны по своим местам.

– Чем вызвана необходимость столь спешно свидеться, ваше сиятельство? – спросил граф Г. после обязательного поклона, впрочем будучи человеком свободолюбивым он все же подавил в себе желание поцеловать руку дядюшки.

– Да вот чем, голубчик – нынче я приглашен на ужин к государю, так не сопроводишь ли ты меня во дворец? Супруги у меня нет, как тебе известно, а между тем помощь может понадобиться.

– Позвольте я захвачу с собой Морозьявкина? – осведомился шепетильный граф Г., не желая рисковать собой. – Я в неведении о том, каков род услуг может понадобиться, а он мастер на все руки и не только.

– О нет, просьба моя вполне традиционна и безобидна. Ежели вдруг случится какая суматоха или переполох – ну знаешь ли, иногда все эти попойки в узком кругу плохо кончаются – то ты уж пожалуй в случае чего поможешь мне добраться до дому. Слуги, братец мой, ненадежны, чуть какой шум, разбойники или там стрельба – мигом разбегутся, а мне надобен верный человек.

– Всегда готов служить! – отвечив граф Михайло не покривив душой. – Признаю только вас, государя да еще господ бога!

– Эх куда хватил. Ну на господ надейся, но и сам не плошай, как говорит пословица. Впрочем это простая предосторожность... Мало ли! Наш старый приятель пророк Авель такого мне напророчил – бояться огня, вдруг пожар, а ты тут как тут... Авось спасешь старика!

* * *

Вот как случилось что в Михайловском замке в этот вечер собрались люди самых разных партий, пристрастий и даже сословий. Ужин у государя прошел весьма скромно. Император, с утра устроивший очередной разнос офицерам гвардии, в котором пообещал загнать всех нерадивых туда, где и костей их не отыщут, тем не менее был настолько добр что позволил своим сыновьям отужинать вместе с ним. За столом также присутствовали жена и дочь генерал-губернатора Палена, и еще множество статс-дам и фрейлин, представители знатных фамилий – Нарышкин, Кутузов, граф Шереметьев и прочие сановники, в том числе конечно и вице-канцлер князь Куракин.

За столом много шутили и смеялись, Павел любезничал с фрейлиной – дочерью генерала Кутузова, а беседуя с самим Кутузовым император заметил что во дворце отвратительные зеркала – когда туда глядишься, кажется что шея свернута. С сыном Александром государь попрощался весьма обыденно, и наследник решительно ничем не выказал своего волнения, которое, как он признавался впоследствии, просто разрывало ему сердце. Цесаревич же Константин просто полагал что пушинка, всем надоевшая и сегодня еще плавающая на поверхности воды в поданном ему слугой стакане, завтра уже утонет и не будет беспокоить их более.

– Однако сегодня что-то скучновато! – зевая, обратился к графу Г. его приятель Морозьявкин. – И зачем нас приволокли сюда, в этот склеп?

– Ужин как ужин, – отвечив ему граф, которого не удостоили чести присутствовать при императорской трапезе, и он был вынужден вместе с Вольдемаром ошиваться в приемных покоях близ лестницы. – И почему же ты именуешь склепом сей прекрасный дворец?

– Да сам посуди, тут ведь и подъемные мосты, и рвы, и всякие потайные ходы и скрытые лестницы – настоящее змеиное гнездо! Государь очень опасается покушений, видите ли, такого тут понастроил. Вот уж наверное где можно разгуляться, – отвечал ему приятель и в этом был, как оказалось, даже чересчур прав.

Участники пирушки, оставленные фон дер Паленом на квартире, в его отсутствие разошлись вовсю. Шампанское лилось рекой, разливаемое и распиваемое общими усилиями, головы кружились. Увидевши это граф Пален, навестивший уже замок по долгу службы и вернувшийся в дом к заговорщикам, сообщил что император ничего не подозревает и пора действовать.

– Вообще ни о чем не догадывается, вообразите себе, господа! – объявил Пален в несвойственной для него игривой манере. – Давеча я ему посоветовал заколотить двери в спальню императрицы да удалить караул конных гвардейцев как якобы якобинцев... пардон за каламбур, и он все это немедленно выполнил, на собственную погибель!

– На погибель? Вы хотите сказать, что мы его... да?

– Когда нужно приготовить яичницу, сперва разбивают яйца! – отвечивал Пален французской поговоркой, пришедшейся как раз к случаю.

– Ну что ж, господа, пора в путь, покуда мы держимся на ногах! Уж полночь близится, а Павел еще жив! – с этими словами Зубовы, старавшиеся пить по возможности мало, стали собирать свое воинство в поход на замок.

Собравшиеся встали из-за стола и направились в путь, предварительно разделившись – Платон Зубов и брат его Николай, прихватив с собой Беннигсена, решили отправиться напрямик к Михайловскому замку, в то время как Пален должен был идти отдельно через Невский проспект к главному входу под Воскресенскими воротами.

– В случае чего, ежели кто поднимет шум, так я арестую именем закона любого! – пояснил Пален свой отход в арьергард наступления. – Но что же вы стоите как стадо, господа? А, понимаю... На первый-второй рассчитайся!

Отделив таким образом, разводя направо и налево, своих спутников от отряда Зубова, заговорщики двинулись в путь. Между тем в Михайловском замке император обошел посты, разослал пажей с письмами и помолился у иконы, а граф Г. от нечего делать перебрасывавшийся в картишки с Морозьявкиным и караульными офицерами по маленькой, проиграл уже три рубля серебром. Казалось что ночь пройдет спокойно как и все прочие, как вдруг от Рождественских ворот послышался странный шум.

– Это еще что такое? – в недоумении промолвил граф Г., забыв на время даже о проигрыше, хотя терпеть не мог проигрывать, хотя бы и не крупно.

– Кажись... кажись толпа какая-то идет? Народное восстание? Пугачевцы? – произнес Морозьявкин, напряженно вслушиваясь.

– А где же наши караульные? Где гвардия? Где преображенцы, семеновцы? Что ж они их не вяжут? – негодовал граф Г. – Это измена! Надо спасать государя!

– погоди ты спасать, вон ведь их сколько, зарубят тебя как муху на лету! Лучше пока спрятаться, – рассудительно произнес Морозьявкин, и невзирая на сопротивление графа, схватил его за руку и потащил в какой-то боковой проход.

Между тем Зубовы и Беннигсен и прочие их люди, ведомые плац-адъютантом замка капитаном Аргамаковым, прекрасно знавшим все пути во дворце по долгу своей службы, уже миновали гвардейцев во дворе, которым приказали не поднимать тревогу их собственные командиры. Часовому, стоявшему на посту в коридоре у иконы, Зубов лично заехал саблей по голове, так что тот был нейтрализован, гусар, дежуривший в комнатах, получил то же угощение – ему отрубили руку. Пустив первую кровь, злодеи отправились далее. Наконец перед смутьянами встал последний редут – императорская спальня.

– А кто это стучится, а? – спросил камердинер сонным голосом из глубины прихожей. – Мы только спать легли и огни загасили.

– Эка вы спать здоровы! А разве не знаете, что уже шесть часов утра и я обязан доложить государю о состоянии полка? Часы у вас встали что ли? Так позовите мастера починить их, а сейчас отпирайте! – произнес капитан Аргамаков нравоучительно.

На свою беду камердинер открыл двери, и заговорщики не преминули этим воспользоваться, тут же ворвавшись в помещение. Однако у них возникла маленькая заминка, так как услышав истошные крики камер-лакеев князь Зубов в последний момент струхнул и уже хотел было дать деру. Однако же генерал Беннигсен, как человек военный и решительный, к тому же ганноверец, грозно сказа ему что метаться уже поздно.

– Сам же нас сюда привел, а теперь значит назад? Твои советы слушать, так мы все погибнем. Жребий брошен – вперед, на штурм! – с этими словами Беннигсен ворвался в спальню к несчастному императору, который, услышав крики, уже вскочил и попытался было отпереть двери в покои императрицы Марии Феодоровны, позабыв с перепугу что сам же их и заколотил. Спрятавшись от отчаяния за портьерой, он стал ожидать своей участи.

Меж тем ворвавшиеся в спальню заговорщики не найдя государя в постели несколько растерялись.

– Эге, кажется птичка упорхнула, *Goiseau s'est envolé!* – объявил Платон Зубов, не увидев искомого.

– Выражайтесь по-русски, князь, когда речь идет о судьбе России! – сказал ему на это Беннигсен, временно позабыв про свое саксонское происхождение. – Ежели императрица проснется и придет устраивать комедию – вытащите вон эту бабу. Постель теплая, ваша птичка недалече. Зажгите больше свечей, мы его найдем. Кстати, чьи это ботфорты выглядывают из-под портьеры?

Описывать дальнейшие события тяжело всякому, кто имеет в душе хоть каплю сострадания к монархической идее в несчастной России. В мгновение ока Павла достали из-за портьеры и извлекли на свет божий, на который впрочем ему было страшно смотреть.

– Пора отречься, государь! – Зубов произнес эти слова почти весело и достал из кармана бумагу. – Вот акт отречения – извольте подписать!

– Да что я вам сделал? – спросил император возмущенно. – Вы хотите отстранить от власти меня? Меня, преисполненного искреннего желания доставить своему народу счастье?

– Все это мы уже слышали! – дерзко отвечали ему заговорщики, – Еще вспомни про желание нерушимо сохранять законы и всюду водворить правосудие!

– Вы и это запомнили? Да, я сего желал! Общий порядок и забота об империи – вот мой конек! Нет, нет, я не подпишу, – отнекивался Павел, полный стремления сохранить свою власть и довести до конца реформы, невзирая на бедственное положение, в котором очутился.

– Вы мой пленник, государь! Вашему царствованию конец! Подписать немедленно! – воскликнул Беннигсен и обнажил шпагу, являя собой поистине грозное зрелище.

На это однако Павел смял бумагу с текстом отречения, обозвал Платона Зубова неблагодарной и дерзкой тварью и даже ударил его. В ответ Зубов еще раз пояснил ему, что тот больше уже не император, и сейчас же ему стали припоминать решительно все несправедливости и притеснения, творимые им, а также ругать тираном и извергом.

– Казалось бы простые просьбы – а и тех ведь не исполнял, сатрап!

– Велел свет тушить в одно и то же время, а теперь еще и кричит! Нет, братец наш, пора и отвечать за свои указы! За круглые шляпы, за букли, за все!

– Ежели он спасется, то пропали наши головы – все будем на эшафоте! – закричали генерал Беннигсен и князь Яшвиль.

– Должно все кончить здесь, иначе быть междоусобице, если гатчинские придут ему на помощь, – неожиданно трезво заключил вдребезги пьяный граф Николай Зубов и достал из кармана массивную золотую табакерку, уже примериваясь, как бы засадить ею императору в висок.

– Нет, нет, лучше придушить его шарфом... Господа, у кого есть шарф?

Немедля нашелся и шарф – офицерский, из серебряной нити с черно-оранжевыми полосами, принадлежавший Аргамакову, и уже не замечая криков Павла и слабых попыток сопро-

тивляться, его ударили табакеркой и начали душить, на что он кричал «пощадите, воздуху, воздуху», гибель его казалась неминуемой. Как вдруг судьба-злодейка, столь резво развернувшаяся к крепости Павла задом, неожиданно переменила свое решение и повернулась своей фасадной стороной.

Граф Г. с Морозьявкиным, дрожа от страха, пробрались наверх, и увидели что дела императора плохи – крики, доносившиеся до них из спальни, укрепили их в это мысли. По пути им неожиданно попался еще более их трясущийся от страха князь Куракин.

– Ваше сиятельство, как, вы до сих пор здесь? – спросил его граф весьма удивившись. – Я полагал что вы давно уже покинули дворец.

– Да как его покинешь, при таких-то делах! – слабым голосом отвечал Александр Борисович, стараясь держаться в тени коридора. – А вы тут зачем? Куда?

– Спасать императора! Это наш гражданский долг! – отвечал ему граф Михайло, а Морозьявкин, видимо не столь в том уверенный, лишь молча кивнул головою.

– Да вы ополоумели что ли? Кому он нужен? Его заботу об общественно благе никто уже не может вынести! Бегите пока целы!

– Никогда! Мы спасем его, во что бы то ни стало! – объяснил ему граф Г. и не слушая больше возражений лукавого царедворца отправился далее. Увидевши окровавленные тела подле царских покоев, и услышав голоса множества людей оттуда, Морозьявкин и граф поняли что действовать надо скорее хитростью нежели силой. Вольдемар живо подпалил огнем ближайшие портьеры дворцовых окон, и подождав пока те поярче разгорятся, на два голоса вместе с графом завопил: «Пожар! Пожар! Пожар!»

– Это еще что там такое? Мы горим, что ли? Черт возьми, как некстати. Генерал, посмотрите что там? – раздались голоса.

Беннигсен и еще несколько офицеров вышли из спальни, и заметив столь обширное возгорание криками позвали на помощь остальных, кто-то начал тушить огонь, кто-то постарался скрыться, воспользовавшись суматохой, о полуживом императоре все забыли. Улучив момент, граф с Морозьявкиным на цыпочках вошли в пустую спальню, где полузадушенный Павел однако же еще дышал.

– Ваше величество, что с вами?! Вы живы? – бросился граф Г. к постели государя.

– Кто это здесь? Не вы ли, сын мой Константин, проклятый заговорщик и царевбийца? Я видел кажется его мундир... – спросил император слабым придушенным голосом, и взмахнул рукой, пытаясь снять со своего горла злополучный шарф.

– О нет, это я, граф Г., преданный вам до конца, – поспешил развеять его сомнения граф.

– А, это вы... помню, награждал вас... мой последний верный слуга! Ну помогите же мне встать.

– Конец кстати ближе чем ты думаешь, – пояснил графу Морозьявкин, в это время озабоченно глядевший в притворенные двери. – Сейчас они потушат пожар, вернутся и нам всем крышка. Нет ли отсюда другого выхода?

– Безвыходных положений не бывает, – утешил его граф Г. и попытался было открыть дверь в покои императрицы, но быстро понял тщетность сих попыток.

– В последнее время мы с императрицей были не в ладах, – пояснил ему государь, уже вскочивший с постели, но еще нетвердо стоящий на ногах.

– Не должно до конца отвергать жену свою, и уж во всяком случае заколачивать к ней двери, – нравоучительно пробормотал Морозьявкин, отчаянно ощупывавший стены. Но в это мгновение свершилось еще одно чудо.

– Выход здесь! – внезапно произнес ясный и чистый женский голос, и неожиданно распахнулась потайная дверь. – Сюда, скорее!

Отворившийся ход вел в покои фаворитки Павла Гагариной, однако же голос принадлежал вовсе не ей. Граф Г. и Морозьявкин уже вторично на протяжении нашего повествования

не без труда узнали Лизу Лесистратову, которая однако же усердно жестикулировала, делая знаки чтобы присутствовавшие следовали за ней возможно скорее. Они последовали ее призыву, и очень вовремя – только граф с Морозьявкиным успели спуститься по лестнице и увлечь за собой полубесчувственного государя, как в спальню скорым шагом вошли опамятававшиеся заговорщики.

– И всего-то шторы тлели, а шуму! Но где же он? Эй, твое низложенное величество? Отзовись! – закричали они наперебой и начали рыскать по всем комнатам со свечами и шпагами наголо.

– И как же это мы его недоушили? – недоумевал Николенька Зубов. – Я его и табакеркой оглушил, а он так и не скопытился. Живуч, чертяка!

– Бить надо было крепче, на трезвую голову. Не должно пить при исполнении смертельной затеи. Ну ничего, не уйдет, весь дворец обыщем! Чую, затаился где-то поблизости, – отозвался Беннигсен, тыкая шпагой под кровать и срывая все портьеры и ширмы. – Эй, послать людей к императрице, да не забудьте посмотреть во дворе! Возьмите семеновцев, прочесать тут все частым гребнем! С фонарями искать!

В это время полковые офицеры возбуждали солдат противу Павла всякими скабрёзными шуточками. Однако узнав что он еще не пойман и бежал, все уже приготовившиеся поздравлять друг друга с новым императором стали очень серьезны. Немедля солдаты примкнули штыки и начали искать повсюду.

– Откуда вы, сударыня? – на бегу осведомлялся Павел у Лесистратовой. – Я полагаю, что вы посланы мне во спасение с небес!

– О нет, ваше величество, – отвечала Лиза шепотом, – я служу в Тайной экспедиции, и мы давно уже следили за заговорщиками, но только я одна относилась к этому всерьез! Вы представляли меня к ордену святой Екатерины... А пока нам надо спрятаться!

– Ах да, помню, дело о пропавших предсказаниях. Слава богу, что в Тайной экспедиции нашелся хоть один человек с головой на плечах, а то ведь ее глава генерал-прокурор Оболянинов – человек без всяких признаков ума или таланта. Проворонить такой заговор – и у себя под носом! Я сделаю вас статс-дамой, фрейлиной, всем кем пожелаете, только спасите меня!

Однако же кольцо вокруг бежавших, временно спрятавшихся во дворе замка, сжималось все теснее. Преображенцы и семеновцы с молодецким гиканьем обходили кусты, наподобие егерей, травящих зайца на охоте, подбираясь все ближе, и граф Г. уже полагал что ему придется погибнуть здесь со шпагой в руке, защищая императорскую жизнь, как вдруг произошло еще одно чудо, пожалуй последнее на эту ночь. Неожиданно откуда-то из тени выпрыгнула целая карета, запряженная четверкой лошадей, и голос Черного барона на вроде бы русском, но странном наречии, наподобие воровской фени, произнес:

– Ваше императорское, садитесь в тачку... то есть в карету! Живее, не тормозите!

– Кто это? – спросил Павел недоуменно. – Кто вы такой, сударь?

– Ваша крыша! Ну то есть типа шефская помощь. Мальтийский орден, если угодно. Да садитесь же! Если б Борис Крутой в девяносто первом так тормозил бы, до сих пор коммуняки бы у нас рулили. Запрыгивай, не парься!

Ошеломленный император, которому однако же решительно некуда было деться, влез в карету, а троица в составе графа Г., Морозьявкина и мамзель Лесистратовой воззрились на Барона с ужасом, как будто увидели призрак из прошлого.

– Что это вы на меня так уставились, мамзель? – спросил БэВ раздраженно. – Мы что, с вами уже встречались? В прошлой жизни, ну то есть в будущей? В программе «Пусть говорят»? А черт, совсем запутался. Ну ладно, как говорится оревуар! Давай, погнали, – обратился он к кучеру, и карета, влекомая мощными вороными лошадьми, исчезла вдали.

* * *

На следующее утро российское государство, начиная с его царственной столицы – Санкт-Петербурга, ожидали значительные перемены. Грозные и ужасные слухи разносились по городу – что у императора ночью случился апоплексический удар табакеркой в висок, что лекари его еле спасли, что будто бы на него ночью налетела целая стая то ли людей, то ли призраков и он скрывался от них не то в кавалерском Андреевском соборе, не то у британского посланника Уинтворта. Почему именно там – никому не было ведомо, но эти басни передавались из уст в уста.

До сих пор вся страна ждала некоего избавления от поднадоевшей тирании, так сказать разрешения от бремени – однако же ближайшее будущее ясно показало что ожидания эти совершенно беспочвенны. После однодневного оцепенения уже на следующий день как из рога изобилия посыпались императорские указы и приказы. Окопавшийся в имении Аракчеева, находившемся менее чем в сутках пути от Петербурга, окруженный верными ему войсками, гатчинцами, сохранившими верность присяге, государь решительно озверел и решил покончить с заговорщиками самым непосредственным образом.

– Ах, ваше величество, что же это вы не призвали меня ранее? Из-за преступной задержки моих саней на заставе вы могли погибнуть, а с вами и вся империя! – говорил императору граф Аракчеев, бывший комендант Гатчины и инспектор всей артиллерии.

– Вижу, Алексей Андреевич, что я весьма зря стал забывать старых друзей. Вы да граф Ростопчин – вот кто мои истинные друзья, вот кого я должен был жаловать не только чинами, но и держать подле своей особы. Орден святого Иоанна Иерусалимского, какового вы командор, а я магистр – вот истинная святыня и опора, а на коварную петербургскую знать и надеяться не стоило. Провидение подвергло меня испытанию – я его перенес, и теперь уже не промахнусь!

Началась череда арестов, пыток и казней. Напрасно граф Пален пытался уверить Павла что он намеренно влился в ряды заговорщиков, а иначе никак не смог бы узнать их преступных замыслов, против него показывали слишком уж многие, и показания их были убийственны. Генерал Талызин, командир Преображенского полка, рассказал что однажды ввечеру обнаружил на столе своем послание от графа Панина, в котором тот предлагал ему помогать Палену, говоря что уже дал генералу лучшие рекомендации. Талызин сжег письмо, и после этого, встреченный фон дер Паленом во дворце, был приглашен им для совещания и заговора.

– Но ведь именно я, ваше величество, я рекомендовал вам сослать великих князей, я и всех остальных арестовал бы, я уже шел вам на выручку в Михайловский замок! – вопил Пален, ползая на коленях вокруг императорского трона, будучи напоследок удостоенным такой чести.

– Сударь, будучи военным губернатором, вы не предприняли для моего спасения решительно никаких мер! Вы были в списках заговорщиков, и в самых их рядах в ночь на двенадцатое марта! Все показали против вас, и братья Зубовы, которые кончат жизнь свою на эшафоте, и Беннигсен, и прочие мерзавцы! Не желаю ничего слушать! В Сибирь, на вечное поселение! А остальных – в кандалы, в крепость, заковать в цепи, и немедленно! Всех до единого сыщем подлецов, не сомневайтесь, – выкрикнул Павел, по привычке давно уже соскочивший с трона и мерявший шагами тронную залу.

Не будучи провидцем, Павел I был весьма суеверен, недаром он уверовал в предсказание о том что если уж спокойно процарствует четыре года то будет счастливо править страной и все остальное время. Прислушивался он впрочем и к более мрачным прогнозам, предрекавшим что жить ему лишь столько лет, сколько насчитывается букв в надписи над воротами Михайловского замка «ДОМУ ТВОЕМУ ПОДОБАЕТЬ СВЯТЫНЯ ГОСПОДНЯ ВЪ ДОЛГОТУ ДНЕЙ». Но видно оптимистичное пророчество в его сознании победило, и по проше-

ствии четырехлетнего срока он даже именным указом вернул в северную столицу всех ранее им сосланных и этим чуть не погубил себя. Однако же после неудачного покушения добрые подданные стройными рядами вновь поехали в свои поместья, а многие и в места не столь отдаленные, и мельница репрессий резво завертелась.

Братья Зубовы – Платон, Николай и Валериан – были в скором времени казнены через повешение, царь лично утвердил приговор суда. Приговор был объявлен в Петропавловской крепости и быстро приведен в исполнение, причем решено было использовать веревки потоньше, дабы петли быстрее затянулись. Предварительно на этих веревках взвешивали многопудовые мешки с песком, дабы экзекуция не кончилась конфузом, по приказу нового генерал-губернатора Петербурга, каковым стал Аракчеев.

Всемогущий когда-то фон дер Пален оказался в ссылке в столь далеком сибирском городке, что и названия его никто не мог запомнить. Генерал Беннигсен, граф Никита Панин и ряд прочих офицеров и вельмож, рангом помельче, стали каторжанами и гремя кандалами начали мерять сибирские дороги и добывать руду на приисках. Великие князья Александр и Константин теперь оказались заключенными в крепость уже не только на бумаге, но и на самом деле, имена их постепенно начали стираться из памяти, а в Северной Пальмире стали вершиться дела, необыкновенные даже для тех кто уже привык к чудачествам государя.

В крайнем раздражении император даже решил объявить войну иностранным державам, прочем замысел этот созрел у него еще до покушения. Однако же курьеры с этим указом были задержаны по приказу Черного барона, который сделался самым главным и любимым советником Павла, превзойдя даже Аракчеева с Ростопчиным, несмотря на всю любовь государя к ним. Таинственная фигура Барона, непонятная для императорских подданных, несомненно предшествовала появлению всевозможных «серых кардиналов», Гришки Распутина и прочих знаковых фигур более поздней российской политики.

– Объявить им войну завсегда успеется! – пояснил свое распоряжение Борис Валерьянович, понемногу уже начавший осваиваться в местных реалиях. – У вашего величества еще столько дел! Я даже подскажу каких.

Рядом с императором также неотлучно находилась мамзель Лесистратова, и впрямь произведенная в статс-даму Российской империи. Её пожаловали этим высоким званием, особым царским указом присвоили титул баронессы, а также в благодарность за участие в спасение императорской особы наградили орденом Св. Екатерины I степени, с большим крестом, украшенным бриллиантами, так что теперь ее следовало именовать не просто «кавалерственной дамой», как ранее, когда ей досталась лишь вторая степень, а «дамой большого креста». Кроме того она получила в награду обширное поместье в месте, которой ей самой было позволено выбрать, и изрядную сумму деньгами.

Князь Куракин так и не попал в число заговорщиков, он счастливо избежал участи каторжан, так как простое знакомство с графами Паниным и Паленом еще не служило доказательством его вины, кроме того он столь усердно охаивал покушавшихся, ругая их ворами и изменниками, что даже весьма недоверчивый государь решил ему поверить в этот раз. Граф Г. был удостоен ордена св. Александра Невского, и также жалован рублями, однако же он заметил что государь решительно не хочет лишний раз вспоминать ни о минувшей мрачной мартовской ночи, ни о том жалком положении, в каком он тогда очутился. Морозьявкин же удовлетворился некоторым денежным кушем, на который клялся купить себе деревню и обзавестись домиком и выездом, однако же граф Г. был уверен, что тот все промотает.

Меж тем реформация в стране продвигалась по все более крутому пути. Борис Валерьянович, пожалованный за неоценимую услугу и как брат по мальтийскому ордену званием барона, которое со времен Петра присваивалось отличившимся в сфере финансовой деятельности, как не вполне дворянской, оправдывал свои странности в русском языке тем, что только недавно начал его изучать, но тем не менее раздавал советы направо и налево:

– Несомненно, Павел Петрович, надобно побольше крестьян из государственных выписать и в частное владение раздать. Это вы очень верно придумали! Нечего им, бездельникам, захребетникам, за государевой спиной отсиживаться, государственный капитализм... то есть феодализм – это не наш метод!

– Я искренне полагаю, что за помещиком им жить будет лучше, – отвечал на это император, благосклонно глядя на своего иностранного советника, так как бывший олигарх упорно косил под иноземца, памятуя что на Руси чужих пророков уважали во все времена.

– Да еще как лучше! Вы раздайте не только полмиллиона крепостных, что уже раздали, но и всех остальных тоже! Вот помню, помогал я проводить реформы в одной весьма далекой стране...

– В какой же это стране, господин барон? Может в революционной Франции, где одни вольтерьянцы и якобинцы? – подозрительно переспросил государь, который терпеть не мог вольнодумства во всех проявлениях.

– Да ну что вы, ваше величество, далекой не в пространстве, а ну скажем во времени. А духовно очень к вам близкой, вообще ничего не поменялось!

– А, ну тогда продолжайте, – позволил император милостиво.

– Так я и говорю, что там вообще все крестьяне были государевыми! Совсем бардак творился, лет семьдесят. И рабочие то же самое, их бы пороть надо, как податные сословия, а они бездельничали. Ну ничего, как только я пришел со товарищи... ну с братьями, так дело зашевелилось – всех в частные руки раздали, всех до единого! И сразу дело пошло – все работали, никто без дела не сидел. День и ночь трудились, буквально за пайку хлеба!

– Да, порка – весьма хороший метод, – промолвило его величество, понявшее из пояснений нового советника не более половины. – Однако же некоторые порицают меня за то что теперь телесные наказания применимы и к дворянам, и к купечеству, и даже к духовенству.

– Всех пороть, всех! Совершенно правильно, ваше царское, а то все эти дворяне устроили тут, понимаешь ли, прямо политбюро какое-то, еще детьми в офицеры записываются, как на службу придет так сразу полковник, я знаю, наводил справки, только стригут потом купоны да жалованье получают, а хозяйство разорено!

– Однако же я желаю, чтобы жизнь моих крестьян, каковые находятся в весьма бедственном положении, улучшилась бы. Я ограничил именным указом барщину до трех дней за неделю. Я далеко не во всем согласен был с моей матушкой Екатериной, но она справедливо замечала, что лучше судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет во всей вселенной.

– Совершенно правильно, так и я о том же! Мы их всех вместе с землями добрым помещикам раздадим, первосортным, правильным людям, не олигархам каким-нибудь. У хорошего барина и собаки сытые. Вы разрешите подготовить мне ряд указиков, да и откланяться?

– Мы разрешаем, – ответил Павел Петрович, мысленно уже находившийся в объятиях своей фаворитки Гагариной, к которой он после описанных событий не только не охладел, но напротив воспылал еще большей страстью, видимо желая попыткой зарождения новой жизни окончательно поправить смерть, подкравшуюся столь близко к императорскому горлу.

Черный барон откланялся и вышел, семена на коротких ножках, а его величество стал собираться к ужину, чувствуя себя весьма уставшим – с утра ему уже пришлось выслушать доклады и графа Аракчеева, ставшего теперь военным министром, и Оболянинова, оставленного, несмотря на промахи генерал-прокурором, и многих других, сделать массу распоряжений по устройству государства, дворца и нынешнего ужина, словом забот хватало.

В это же время граф Г. с Морозьявкиным, сидя в своей холостяцкой крепости в домике Гретхен, также собирались ужинать. Однако же несмотря на то, что они были обсыпаны монаршими милостями с ног до головы, атмосферы счастья и беспечности за столом не наблюдалось. Напротив того, обычно веселый Морозьявкин был мрачен, что случалось с ним при наличии

денег и Гретхен под боком крайне редко. Граф же, поначалу полагавший что спася императора совершил благое и богоугодное дело, теперь терзался сомнениями и раздумьями.

– Слыхал что удумали? Говорят что из-за границы нельзя будет ввозить не только ноты, но и карты! Совсем чудят, – сообщил Вольдемар, откусывая здоровенный кусок от жареной колбаски и запивая его целым полуштофом пива. – Брр, кислятина, небось неделю прело.

– А зачем тебе карты? Что ты, дорогу к пивной без них не найдешь?

– Я разумею игральные карты! Впрочем может и географические тоже запретят, раз уже и ввоз нот запретили – вдруг между мелодиями какая крамола вкрадется.

– Не должно нам обсуждать приказы государя нашего, а должно неукоснительно их исполнять, а не раздумывать! – нравоучительно молвил граф, наставляя своего приятеля на путь истинный.

Однако Морозьявкин упорствовал в своих заблуждениях. Как еретик, повторяющий бессмысленный бред вроде: «А все-таки она вертится, взгляните и вы убедитесь», так и он поминал все новые грехи действующему императору.

– Ну что он решил всех перепороть – так это и правильно, моя задница и так поротая, а вам, графьям, сие полезно! – хмыкнул Вольдемар, но осекся под тяжелым взглядом графа. – А что, деньга у меня теперь есть, могу себе позволить повольнодумствовать!

– Небось опять скоро кончится, – мрачно предрек ему граф, не любивший шуток насчет ущемлений прав дворянства.

– На Груньке тогда женюсь, то есть на Гретхен, если опять жрать станет нечего! – пояснил ему Морозьявкин свой нехитрый план спасения, давно уже ставший классическим.

– Ну да, больно ты ей нужен, – пессимистично заметил граф, однако приятеля было не так-то легко сбить.

– Скоро уже и все иностранные танцы вовсе запретят, а учиться выюношам вместо Европ можно будет только в Дерптском университете. А какая там учеба, в Эстляндии – тоска одна. А приедешь, так раньше учились на врачей, а теперь на лекарей, как в армии. Переименовали.

– Ну как не назови, врач или там лекарь, главное чтоб он лечил, сукин кот. И то что ныне вместо отрядов появились detachments, так то не больно важно. Хоть горшком именуй, только в печь не ставь, – попытался было граф обелить странные указы государя.

– Скоро нас всех туда поставят, и пламя разожгут! Говорят новая война будет, с французами против англичан. – тихо прошептал ему Морозьявкин, наклонившись поближе.

– Как с французами? Да мы же супротив них и итальянцев, ихних союзников, еще с Суворовым воевали, через Альпы переходили? – изумился граф.

– Но теперь-то замирились, надясь, в прошлом годе, – пояснил Вольдемар, – и скоро пойдем в заморский поход!

– Не худо бы об этом всем кого-нибудь знающего расспросить, вот только кого? – задумался граф, и даже наморщил свой аристократический лоб.

– Может Лизку? Да только она теперь высоко залетела... чуть нас всех тогда не заарестовала, а теперь и вовсе небось нос задрала. Она нынче баронесса и чуть ли не принцесса. Ладно, допивай пока пиво есть еще, – на этом беседа о судьбах страны и мира временно завершилась.

Однако же первое свидание, прояснившее графу Г. нынешнее положение дел в империи, случилось у него вовсе не с мамзель Лесистратовой, а опять-таки со светлейшим князем Куракиным, чья звезда не желала закатываться невзирая ни на какие перипетии. На этот раз его сиятельство был ни весел, ни мрачен, но в каком-то странном деловитом настроении, подобно ученому патологоанатому, наблюдающему за разложением трупа. На удивление графа он ничего не ответил, и лишь вздохнувши предложил ему садиться в кресла.

– Да, дружок мой, вот ведь какая история – всю страну мы решили перестроить на прусский манер, поэтому я не вполне весел. Да ты устраивайся поудобнее... в кресле пожалуй попокойнее будет. Чувствуй себя как дома у родителя.

– На прусский манер? Что сие значит? – спросил граф, которого как натуру чувствительную передернуло от слова «попокойнее».

– Значит что не только армию, но и все остальное регламентировать станут. Вот ведь какие дела. Ты знаешь что готовится поход на Индию?

– Как на Индию? Да ведь она же на краю света?! – возопил граф, чьи познания в географии всегда приводили в ужас домашнего учителя-француза.

– Войска дойдут. Ну конечно, те что в пути не подохнут. Жара, пустыня, жрать нечего, разве что конское мясо, да какую-нибудь там саранчу, или кто там у них водится, – князь еще раз глубоко вздохнул и принялся рассматривать не очень большой, всего-то с голубиное яйцо, алмаз у себя на перстне.

– Да неужели же все так ужасно? Куда же смотрят царевы министры, генералы, что же молчите вы? Так же мы всю армию погубим, к чертовой матери! – не сдержался граф.

– У государя теперь другие советники. Меня он выслушает, но не более того. Ныне его любимчик – это... ну ты помнишь его имя.

– О нет, – заныл граф, как будто у него заболел зуб, – это невозможно! бог не может допустить такое!

– Ну как видишь – допускает. После заключения мира с французами император желает в союзе с пруссаками воевать с Австрией, а также в кумпании с датчанами и шведами пойти войной на Англию.

– Да чем же ему Англия-то так досадила? – удивился граф и даже подскочил на стуле.

– А Мальту англичане захватили еще в минувшем году... а государь, как тебе известно – глава Мальтийского ордена. Я собственно и сам вошел теперь в состав священного совета ордена, но полагаю что в своей любви к братьям государь жертвует слишком уж многим. Ну он и обиделся, разыграло сердце. Решил он наказать непослушных англичан! Право слово, лучше бы вместо этих злосчастных островов было море, столько нам от них неприятностей. Казачье Войско Донское уже послано дабы завоевать Бухару и Хиву, а скоро и на Индию двинемся, без припасов, без обозов, напрямик через Персию!

– А что же Наполеон? – удивился граф Михайло, глядя на Александра Борисовича с изумлением во взоре.

– Наполеон считает Павла Петровича «русским Гамлетом», государь же в свою очередь отправил ему письмо с наказом «дорожить дружбой». А английским судам в наши порты заходить отныне запрещено. Я оставлен вице-канцлером и разбираю уж заодно и иностранные дела, обращал внимание государя на опасность войны с императором Наполеоном, но он и слушать не хочет. Подай ему дескать войну с англичанами, и все тут! В общем, будь наготове – скоро большие дела.

* * *

В это же время Черный барон, ведя свою коварную игру и направо и налево, внушал англичанам что им следует напасть на Россию немедленно, и в то же время говорил Павлу I что островитяне – его злейшие враги, и с них следует начать российские воинские баталии, и совместно с Наполеоном завоевать неприступные британские острова, а заодно уж покорить и индийские колонии. Что же касается самого Бонапарта, то его не стоит опасаться вовсе, и он конечно никогда не посмеет нарушить свои союзнические обязательства перед Россией и собственно императором Павлом, которого очень высоко ценит и лично.

– Но ведь, барон, говорят что вы тесно связаны с Англией, и должны блюсти островные интересы? – спрашивал Павел Петрович с подозрением.

– Да что там хорошего на этом Альбионе, ваше величество? Дома все коричневые, смог, туман, никакой экологии, одна ностальгия. Они только и мечтают чтоб Крым у нас оттяпать,

я точно знаю! Надо их сейчас додавить, а там уж и с Бонапартом разберемся, если он начнет рыпаться! У нас ведь только два союзника-то, армия и флот, это ж исторически верно!

– Блестящая мысль, надо будет запомнить и рассказать сыновьям, если придется их увидеть, этих изменников. Ну что ж, Борис... эээ... Валерьянович? Да, придется воевать с англичанами. Мальту им я простить не могу.

* * *

На следующей же неделе все намеки и поползновения царедворцев у подножия трона были опрокинуты одним ужасным известием – курьер с передовых позиций русской армии, загнав трех лошадей, донес что армада англичан наступает с моря, что балтийские порты взяты с налета за несколько часов и разбомблены ядрами с британских кораблей, и что британский десант вот-вот высадится близ Санкт-Петербурга, а наша армия поставлена практически в безвыходное положение. Превратив британцев из союзника в злейшего врага, Российская империя моментально очутилась чуть ли не на краю гибели.

Огромное сосредоточение сил Британской империи и ее колониальных владений, которое случилось в 1802 году и было направлено противу империи Российской, двинулось через море и сушу на восток и уже летом перешло морские и сухопутные границы России. Началась война, то есть событие несомненно противное, причем сразу всем чувствам и мыслям человека разумного, при котором совершалось столько злодеяний, обманов и воровства, что и помыслить было страшно, но решительно никто не почитал это в то время за преступления.

Историки с наивной уверенностью говорят, что причиной этого необычайного события были ошибки дипломатов, глупость и самоуверенность Павла I-го, властолюбие и психическое заболевание короля Георга и алчность его адмиралов, но мы-то с вами знаем, что подлинной причиной этого вошедшего во все учебники явления был тот весьма опасный эксперимент, выбранный для устранения опального олигарха Залысовского, что организовали в начале XXI века спецслужбы.

Главкомандующим русскими войсками был назначен генерал от инфантерии Михаил Кутузов, как военачальник лично знакомый Павлу и ценимый им, а кроме того кавалер ордена св. Иоанна Иерусалимского. Однако и ему, одному из немногих фаворитов Екатерины, сумевшему удержаться и в царствование Павла, нелегко было спасти положение. Император, удалившийся в Гатчину, непрерывно производил смотры и маневры, однако же для войны решительно ничего не было готово, хотя ее и все ожидали. Не было единства командования, никак не могли принять общий план действий, все хотели как лучше а получалось решительно как всегда.

* * *

– Да вы что – с ума посходили? – с ненавистью спрашивал Павел у военного министра графа Аракчеева на спешном вечернем докладе. – Вы рекомендуете мне как можно скорее оставить мою северную столицу? Как сие возможно?!

– Английская эскадра под начальством Нельсона и Паркера вот-вот войдет на петербургский рейд, мы долго не продержимся, ваше величество, – отвечал Аракчеев, одновременно преданно глядя на Павла, как старый солдат, повернувши к нему свою коротко-обстриженную голову с висячим красным носом.

– А что же адмирал Ушаков? Наши средиземноморские силы?

– К сожалению наша флотилия не смогла достойно поддержать действия антианглийской коалиции. Остатки разбитой эскадры Ушакова ушли в Севастополь, британский флот превосходит российский многократно.

– А где же наш союзник Бонапарт? Почему он не спешит к нам на помощь?

– Такого гения как Бонапарте теперь к нам не дозовешься. Как видно французы заключили перемирие с британской короной, и придется нам самим отдуваться... Война с такими хитрыми бестиями как англичане требует глубокомысленнейшего знания военной науки. А король Георг еще до осени обещает быть в обеих российских столицах, – отвечал ему Аракчеев.

Как ни презирал Павел людей стоящих ниже его, как ни привык не считаться с чужим мнением, если только оно не вполне совпадало с его собственным, но тут он как будто замер, очевидно подавленный этим известием.

– Я приеду в Москву для совещания с моим народом. Надо воодушевить народ для ведения народной войны. Полагаю что московское дворянство поддержит меня в этих начинаниях. Не можем же мы отступать до Сибири, в конце концов!

– Под вашим скипетром, государь – хоть до Индии! – отвечивал ему военный министр не колеблясь, однако такая преданность на этот раз не порадовала государя.

– Ну уж это я полагаю лишнее. Ну каковы эти бриты. Без объявления войны вступить в Россию. Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженного неприятеля не останется на моей земле. Передайте Кутузову, чтоб не смел сдавать по крайней мере Москву... иначе где ж я буду царствовать!

Аракчеев, сказавши что исполнит все в точности и немедля направит главнокомандующему рескрипт, покинул кабинет, придерживая шпагу на ходу. После этого государь позвал к себе статс-даму Лесистратову и наказал ей немедля отъехать из пределов северной столицы для исполнения особого поручения – передать личное послание королю Георгу III. Лиза выслушала все необычайно внимательно, взяла письмо и вышла, сделав глубокий реверанс, попросив только государя не доверяться более советам барона фон Залысовского, которого почему-то решительно не могла переносить. С похожим обращением обратился к графу Михайле Г. и его покровитель вице-канцлер князь Куракин.

* * *

– Ну вот и началось, голубчик, двенадцать языков на нас идут... и британцы, и индийцы, и бенгалцы, кого только нет! Говорят у них в войсках белого человека трудно отыскать, одни черномазые, ну разве что кроме офицеров. А ведь я предупреждал, чем кончится это заигрывание с Бонапарте да грызня с Британией, да кто ж меня слушал? Сначала по нам англичане пройдутся, а потом французы добавят, да впрочем и первых хватит.

– Неужели же все так ужасно?

– Посуди сам, сударь мой. Петербург оставляем, все бросаем, бежим впопыхах. Немного времени пройдет, и Москву сдадим. Народ уже бунтует. Из Северной Пальмиры все поразбежались. Народ перестает нас слушать, вчера мой камердинер отказался подавать мне на выбор двенадцатую табакерку, сказавши что хватит с меня и первых одиннадцати – можешь себе вообразить?

– Негодяи начали грубить, – догадливо сказал граф Г., – а разве вы не приказали его выпороть?

– Если так дела дальше пойдут, скоро нас самих пороть начнут. По улицам уже ходить нельзя без лакеев. Нет, вот что... ты ведь не токмо дворянин, но и офицер – езжай пожалуй что в действующую армию. Отвезешь письмо к генералу Кутузову, да и останешься при нем. Будешь там примечать, на ус все мотать, мне отписывать. Ну а уж если дойдет до того, что и Москву придется отдать...

– Что же тогда? – спросил граф Г.

– Тогда... а вот что, тогда ты останешься там, прикинешься простым жителем, обывателем, а сам проберешься в неприятельский стан и убьешь ихнего командующего! А твой Морозявкин пушай всю Москву подпалит, вот что. Пускай уж не достается она никому!

– Ваше сиятельство, вы это всерьез? Да ведь меня за это расстреляют, а его вздернут в мгновение ока! Или наоборот, – граф Г. замер, очевидно вовсе не прельщаемый такой перспективой.

В ответ на это Александр Борисович помолчал несколько времени, а затем подошел к окну в кабинете, поглядев на серое с розовым закатное небо.

– Да ведь надобно иногда делать над собой такое усилие, чтобы думать о родине, а не токмо о себе, не просто ловить рубли, кресты и чины... Ладно, ступай. Письмо с подробными инструкциями тебе доставят после.

* * *

В это время Лиза Лесистратова, сопровождаемая небольшим конвоем из казаков и трубачом, скакала к британским аванпостам, располагавшимся столь близко от северной столицы, что ее казалось можно уже было взять за один переход британских войск. Она была остановлена англичанами-кавалеристами. Унтер-офицер армии Его величества, увидев ее выезд, проворчал какое-то ругательство и грубо прикрикнул на русскую статс-даму, приказывая ей немедленно остановиться.

Для Лесистратовой, уже привыкшей что к ней обращаются не иначе как «ваше высокопревосходительство», после недавнего общения накоротке с самим государем, после близости с высшей властью, такое непочтительно отношение очевидно враждебных сил, да еще и на российской земле, было крайне оскорбительно. Правда в былую бытность свою на государственной службе она выполняла много деликатных поручений Тайной экспедиции и часто попадала в затруднительные ситуации, однако же это уже несколько забылось, уйдя в прошлое.

Сдержав гнев, Лесистратова назвала себя и сказала о своем деле. Навстречу ей из деревни приехал полковник и несколько солдат в красных однобортных мундирах, с белыми султанчиками на киверах и в белых походных штанах, которые должны были отвести ее к командующему британскими войсками генералу Веллингтону.

– Какая-то наглая русская шлюха, говорит что она статс-дама и посланница, – так отрекомендовал ее часовой полковнику. – Они разъезжают тут как по своей собственной территории, а иногда залезают и на наш прекрасный остров, от них столь же трудно избавиться как от блох на болонке.

– Но все равно следует отвести ее к Веллингтону, – промолвил полковник, – этого требует дисциплина.

Лиза полагала быть скоро представлена главнокомандующему, однако же вместо этого часовые задерживали ее у каждого селения. Наконец вызванный адъютант передового корпуса британской пехоты препроводил ее в деревню к адмиралу Горацио Нельсону, национальному герою Британии, командующему британской флотилией, игравшей важную роль в наступлении англичан на море.

Мадемуазель Лесистратова застала Нельсона в сарае крестьянской избы, где он восседал на бочонке с порохом, как старый морской волк очевидно вовсе не боясь этого соседства. Он проверял счета и видимо тяготился этим занятием, будучи более привычным к морскому ветру и битвам.

Заметив Лесистратову, Нельсон, длинноносый мужчина с приятным лицом, высокими бровями и тонко очерченными губами, оторвал голову от бумаг и весьма холодно спросил что ей от него нужно. Правую руку он потерял при захвате порта Санта-Крус-де-Тенерифе, а правый глаз его, поврежденный в битве при Корсике, плохо видел, вообще с правой стороной ему

как-то не везло. Всем своим видом он показывал, что ради интересов Англии готов оставить и прекрасную леди Гамильтон, свою любовницу, и новорожденную дочь Горацию, готов разгромить русский флот так же легко, как он разгромил уже французский в битве при Абукире в 1798 году, и даже согласен сидеть здесь, в сарае в глухой русской деревне, ежели Англия ждет что каждый будет исполнять свой долг.

Понимая что адмирал как говорится закусил удила, и к тому же не знает ее высокого звания, госпожа Лесистратова еще раз пояснила что она статс-дама при дворе императора Павла, и имеет особое поручение. Однако вопреки ее ожиданиям Нельсон стал еще суровее.

– Где же ваше послание? Отдайте мне пакет для короля Георга III, я его передам.

Лиза пояснила, что имеет приказание передать пакет лично главнокомандующему британскими силами.

– Приказания вашего императора исполняются в вашей армии. Здесь короля Георга замещаю я, и вы должны делать что вам говорят, – сказал адмирал.

Лесистратова двумя пальцами достала из-за корсажа пакет и положила его на стол, как видно сделанный из двери свиного хлева, кинутый на бочонок.

– Вы вправе не оказывать мне уважение, адмирал, но позвольте вам заметить что я ношу звание статс-дамы Российской империи, – добавила Лизонька.

Нельсон окинул взглядом ее фигуру, и смущение Лесистратовой, испугавшейся что ее пожалуй пленят или снасилуют, видимо доставило ему удовольствие. Лесистратова вспомнила, будто слышала где-то, что в британской армии быть отодранным самим командующим считалось большой честью для офицеров Его величества.

– Вам будет оказано должное, юная леди, – сказал адмирал и вышел из сарая.

Через несколько суток ожидания, скуки, сознания своей подвластности, особенно ощутительной по сравнению с былым могуществом, после нескольких переходов с морской пехотой Нельсона, занимавшей всю местность, в составе его личного багажа, Лесистратова была перевезена в Гатчину, занятую теперь англичанами, и ей передали желание генерала Веллингтона, завоевателя Индии, срочно призванного для возглавления российской кампании, удостоить ее аудиенции.

Несколько суток назад около крепости Ингербург, к которой подвезли Лесистратову, стояли часовые Преображенского полка, теперь же ее охраняли шотландские солдаты в зеленых клетчатых юбках-килтах, за что за ними закрепилось прозвище «дамы из ада» и «амазонки». Веллингтон принимал Лесистратову в том же замке, из которого ее отправлял император Павел.

Веллингтон был в сущности Аракчеев короля Георга III – тоже не гений, но столь же жестокий и исправный, выражающий преданность и сознание долга непреклонной твердостью, и люди эти в государственном механизме были нужны также, как волки в организме природы. Он участвовал в Нидерландском походе, успешно действовал против индийских раджей, и очевидно участие в кампании против русских войск было лишь очередным эпизодом в его обширной военной биографии, бывшей на своем пике.

Лесистратову ввели в приемную, где было множество генералов, польских магнатов и лифляндских дворян, многие из которых, как она помнила, подвизались и при российском дворе. Наконец дверь распахнулась и из кабинета вышел сам Веллингтон. В форменном красном мундире, увешанном наградами, белых брюках и черных сапогах, коротко подстриженный, с небольшими бакенбардами и пахнущий каким-то индийским ароматом, как показалось Лизе, он вошел энергичной походкой и приемная тотчас стихла. Генерал коротко кивнул головой на реверанс Лесистратовой и начал говорить, чеканя каждую фразу и видимо дорожа своим временем.

– Я получил письмо императора Павла и очень рад видеть вас, леди Лесистратоф. Поверьте что мы вовсе не желали войны с Россией, нашим бывшим союзником, но были просто вынуждены к ней.

Лиза хотела было сказать, что государь был крайне оскорблен взятием англичанами Мальты, которую, освободив, они так и не передали России, и из-за этого и начались все разногласия, но что-то удержало ее. Ей казалось странным, что большая война начинается из-за такой глупости. Заметив смущение Лесистратовой, Веллингтон оглядел ее походное платье и лицо с едва заметной улыбкой. Преодолев замешательство, Лиза начала говорить.

Она заметила, что Франция – их общий враг, и что мелкие разногласия по вопросу принадлежности земель Мальтийского ордена не должны приводить к противостоянию между столь великими державами как Британская и Российская империи. Она также хотела сказать о том, что британцы должны немедленно оставить пределы России, передав таким образом волю императора Павла Петровича, но видя что положение вовсе не таково чтобы диктовать условия, смягчила императорское требование и лишь попросила отвести войска от Петербурга.

– Говорят вы заключили союз со Швецией? Это правда? – осведомился Веллингтон.

Лесистратова кивнула.

– Да, милорд, мир заключен, – начала было она, однако генерал не дал ей закончить.

– Что вы нашли в нелепом союзе с французами, пруссаками, шведами и датчанами такого, чего не могли бы получить от союза с Англией? Предопределение шведов – быть под управлением сумасшедших королей, это несомненно. Они сменили своего короля на другого психа – Бернадота, ведь несомненно, что только сумасшедший может заключать союз с Россией, будучи шведом. – Веллингтон зло усмехнулся.

Лесистратова могла бы ему возразить, например на фразу о сумасшествии шведов она подумала что британский король Георг также сумасшедший и его припадки безумия известны всей Европе, однако же сэр Артур Веллингтон решительно не желал ее слушать.

– Объединив наши усилия, мы могли бы разгромить Наполеона и завоевать пол-Европы. Вы получили бы множество прекрасных колоний. Император Павел мог бы расширить свою империю до Дуная – но он не пожелал этого. Его мать, Екатерина Великая, и то не достигла бы большего. Но он захотел окружить себя врагами Британии. Князь Куракин – болван, барон фон Залысовский – международный интриган, прочие – ничтожества. Беннигсен был военным, но он отправлен на каторгу, а остальные? Кутузов – военный человек, но он не столь удачлив как казалось, судя по первым движениям. Уже которая неделя как началась кампания, а вы не смогли защитить даже царское гнездо – Гатчину, и Петербург падет на днях. Ваша армия ропщет, она не желает воевать под командой истерика и сторонника палочной дисциплины для всех.

– Напротив, господин генерал, – сказала Лесистратова, с трудом следившая за быстрым потоком малоразборчивой английской речи, так как переводчик переводил не более половины из сказанного главнокомандующим, – наши войска горят желанием защитить...

– Я знаю решительно все, и даже то чего вы не знаете, всю численность вашей армии и ее личный состав, у вас каждый второй – мой информатор, – отвечал Веллингтон, – у вас немало войска, это правда, однако вы видите что у нас много больше, и их дисциплина и выучка позволяет погружаться в ваши степи как нож в масло. Мы забросим вас в Сибирь, вы поймете что проиграли став нашими врагами. Если вы направите против нас пруссаков, мы сотрем их с европейской карты. Мы построим против вас железную стену, которую в своей глупости разрушили на европейском континенте, и вы будете сидеть за ней, и сидеть тихо!

Лесистратова хотела было сказать, что русским их дела не представляются столь мрачными, но очевидно было что ее мнение здесь интересовало лишь ее саму.

– Впрочем, передайте уверения императору Павлу в моем почтении и преданности, уверен что также выражаю мнение и всемилостивейшего короля Георга – сказал Веллингтон на прощание и пошел вниз по лестнице.

После всего сказанного Лесистратова была весьма удивлена, удостоившись приглашения на обед к главнокомандующему. За столом присутствовал Нельсон, Паркер и многие генералы, замеченные Лизой в приемной Веллингтона ранее. Веллингтон встретил ее весьма весело, посадил подле себя и вел себя так будто он уже премьер-министр Британии и наместник России в одном флаконе. Он полагал, что Лиза настолько покорена его обаянием и мощью британской армии, что уже стала союзницей и должна сочувствовать всем его планам. Между разговором он осведомлялся о Санкт-Петербурге и Москве, как обычный праздный путешественник, намеренный в скором времени посетить оба этих места.

– Говорят что в Петербурге есть большой морской собор, святой Николай? Неужели он и вправду не уступает Вестминстерскому аббатству? – спрашивал он. – И правда ли что там столь много церквей? Говорят, что город красив, но весь он построен европейскими архитекторами.

На это Лесистратова отвечала, что город хоть и построен иноземными мастерами, но по общему замыслу русского царя.

– Такое слепое подражание чужой культуре свидетельствует о крайней отсталости народа, – сказал Веллингтон, взглянув за одобрением на Нельсона, который, ловко орудуя левой рукой столовыми приборами, на секунду оторвался от этого занятия и коротко кивнул.

– Мы стараемся брать у каждой культуры что-то лучшее, но строить это у себя а не грабить колонии, наподобие индийских, – непочтительно ответила Лиза, не удержавшись. – У каждого народа свои нравы.

Генералы и адмиралы, сидевшие за столом, переглянулись, равнодушными лицами давая знать, что если тут и была острога, то они не поняли в чем она состоит.

– И зачем император Павел принял на себя управление армией? В отличие от гатчинских батальных потех тут настоящая война джентльменов, это не забава для королей. Готовы ли лошади для придворной статс-дамы? Дайте ей моих, ей далеко ехать – очень далеко.

* * *

А в это время граф Г. и его приятель Морозьявкин, подобно двум странствующим рыцарям, наконец добрались до главной квартиры действующей армии. Все в ней были крайне недовольны ходом военных дел, и более всех государь, находившийся при армии. Однако же мыслям о том, что может быть нашествие в русские губернии, что война может перенестись далее чем Польша, до Кавказа, до Сибири, до Персии никто не предавался.

Лагерь Кутузова, к которому он направлялся, был на берегу Вильни, и чудовищное количество генералов и придворных осело по берегам реки по лучшим домам тамошних деревень, за неимением возможности сбиться в единую пышную кучу где-либо в одном месте. Кутузов находился в паре верст от государя, хотя будь его воля он отдалился бы от него вдесятеро далее.

Граф Г. уже четыре раза объехал укрепленный лагерь, и все-таки так и не понял выгоден он для нас или же невыгоден. Он собрал все свои познания в военном деле, но вспомнил только что заранее составленные планы решительно ничего не значат, как он ясно понял еще в походе за предсказаниями пророка Авеля. Тогда граф попытался поговорить со сведущими людьми, но увидел лишь что они разбились на несколько партий, каждая из которых гнет в свою сторону.

Теоретики войны требовали отступления вглубь страны, особенно в этом усердствовали немцы. Они готовы были зайти как угодно далеко. Граф уже подумывал было попроситься у государя в немцы, как вдруг прислушался к представителям другой партии. Русские, упорно полагавшие что также имеют право на свое мнение, вспоминали Суворова и говорили что

надобно не унывать а драться. Багратион с Ермоловым так и лезли в дело, крича что им уже надоело накалывать карты и пора играть. Прислушавшись к ним, граф Г. загорелся было азартом и уже сам почувствовал, что готов придушить всех англичан голыми руками, но тут он увидел что придворная партия, в которую входил и Аракчеев, желала придерживаться среднеарифметической линии между первыми двумя крайними позициями, хотя этим не достигалось никакой цели.

Четвертая же партия, к которой принадлежали и спешно выпущенные из крепости ввиду всеобщей опасности великие князья, цесаревицы Константин Павлович и Александр Павлович, боялась Веллингтона и Нельсона, видя в них силу, а в себе слабость. Они уверяли что не выйдет ничего кроме гибели, что оставивши Петербург и Вильну, неизбежно придется сдать и все остальное и что надобно скорее заключить мир, пока нас не прогнали из Москвы.

Были еще приверженцы Барклая-де-Толли, Кутузова, самого императора Павла, чей ум, близкий к сумрачному германскому гению, должен был, как им казалось, одним усилием обновить неприятеля, хотя и они сомневались, стоило ли влезать в свару с англичанами перед лицом столь мощного врага как Бонапарте, который теперь, когда дело дошло до драки, бросил нас на произвол судьбы и очевидно попытался бы добить при первой же возможности. Но самой большой и многочисленной партией была группа, не желавшая ни войны ни мира, ни обороны ни наступления, но искавшая только выгод и удовольствий.

«Вот еще любители половить рыбку в мутной воде, интриганы! – подумал граф. – Да тут творится такое, что в мирное время было бы просто невысказуемо! Все делают чтобы угодить государю, меняют свое мнение по десять раз на день, готовы идти на дуэль, только бы не попасть на переднюю линию! Выпрашивают себе у императора единовременное пособие или хотя бы обед на дармовщинку, дуют на флюгер царской милости так, что и сам Павел уже не повернет его потом в другую сторону... Чертовы трутни, только все путают – ну как тут воевать?!»

Однако же надо было дожидаться наконец Светлейшего, как все теперь именовали Кутузова. Он был назначен главнокомандующим после большой чехарды, как сообщили графу по секрету те, что были всегда в курсе всех придворных дел. Наглый денщик командующего на вопрос, скоро ли будет хозяин, ответил с презрением:

– Светлейший должен быть сейчас, да вам-то чего?

Граф Г. с трудом удержался чтобы не перетянуть его плетью поперек красной морды, в глубине души удивляясь своему миролюбию и объясняя его только тем, что перед лицом опасности, грозящей родине, следует забывать о своих амбициях. В это время раздались крики казаков, что едет Сам. За адъютантами на коне, вынужденно ставшим иноходцем из-за тяжести седока, ехал Михаил Илларионович Кутузов, грузный, седой, кивающий головой в кавалергардской фуражке. Поглядев на молодцов гренадеров, которые вытянулись во фронт при появлении командующего, он вздернул плечами:

– Сколько ж возможно отступать, ведь на таких пахать можно!

Увидев графа Г., с которым он был знаком не то чтобы коротко, но все же встречался пару раз в Петербурге, он минут пять вспоминал кто это, вглядываясь в его лицо единственным уцелевшим после турецких баталий глазом.

– А, здравствуй, голубчик граф Михайло, тезка. Как там твой батюшка?

– Да давно уже умер, – отвечал граф, не вдаваясь в подробности.

– Ну царствие ему небесное, раз так. Впрочем, сочувствую.

– Не угодно ли вашей светлости посмотреть бумаги, да вот тут кстати есть и очень хорошенькая попадья? – встрял в их светскую беседу адъютант.

– А вот сейчас договорю с графом, и... а вам что? – обратился Кутузов к дежурному генералу.

Дежурный генерал пустился читать длинный, очень умный и дельный доклад с критикой наших текущих военных позиций, однако Кутузов явно презирал и ум, и знание, и очевидно

слушал все это со скукой, судя по выражению его лица, в которое граф Г. прямо впился глазами.

– Да вот еще, надобно взыскивать с армейских начальников за овес... помещики требуют! – добавил дежурный генерал.

– А вот это сразу в печку... Где у нас печка? А, вот она! В огонь! Пускай косят хлеба и жгут дровишки сколь вздумается, лес рубят – щепки летят, я за это взыскивать не намерен. Чертовы аккуратисты-немцы, – отозвался на это Кутузов.

Бросив красавице-попадье несколько золотых и не преминув ущипнуть ее за пышный зад, он вернулся к беседе с графом.

– Ну ладно, отец умер, сие очень грустно, но я тебе второй отец... я тут всем как отец-командир, помни это!

– Вестимо, ваша светлость! – промолвил граф, и передавши письмо от князя Александра Борисовича между прочим упомянул о тех последствиях английского нашествия, которые ему уже довелось увидеть. Он рассказал о разбитых оранжереях, о телятах и коровах, что ходили по заброшенным паркам, о каком-то виденном им мужике, который вязал лыко – вернее уже не вязал – сидя на господской лавке, о том состоянии, в котором без сомнения подобно многим поместьям уже оказалось или скоро должно было оказаться его собственное имение, равно как и величественное Надеждино князя Куракина, и прочие дворянские гнезда святой Руси.

– До чего довели, сволочи! – сказал Кутузов взволнованно, наконец-то ясно представив себе положение в котором оказалась Россия. – Ну дай только срок... Так ты хочешь при мне остаться?

– Не уверен, смогу ли я вам чего дельного посоветовать, – начал было граф Г. дипломатично.

– Советчиков много, да людей нет, Всех дурней слушать, так мы и старой войны с турками никогда бы не кончили. Крепость взять не трудно, трудно компанию выиграть. Но с такими как ты все будет – главное терпение и время.

– Похоже что времени у нас уже нет, – отвечал граф Г. невесело.

– Ну так запасайся терпением! Я турок лошадей жрать заставил, и англичашек тоже заставлю, дай только срок.

– Так нужно все же дать им сражение, этим морским дьяволам, нельзя же все время отступать-то? – спросил граф, зная что этот вопрос очень интересует как русский народ в целом, так и самого князя Куракина в частности.

– Ну если все этого захотят и меня к стенке припрут, так тут уж делать нечего. Но помни – важнее терпения ничего нет, ежели оно конечно ко времени.

На этом аудиенция закончилась, и граф Г. видел, как Кутузов с удовольствием вернулся к попадье и роману Даниеля Дефо «Остров сокровищ». Однако сам не зная почему, граф приехал к своему приятелю Морозьявину в их походную палатку вполне успокоенным насчет судьбы России и общего хода дел. «Дельный старик, страна вверена кому надобно. Он конечно ничего не придумает, зато и лишнего никому не позволит. Понимает что такое неизбежный ход событий». К этому рассуждению присовокупилось и такое: «Главное – что он русский, а то у наших немцев и этого барона фон Залысовского такие омерзительные рожи! А все эти его английские романы – ерунда, главное что он хочет их заставить жрать лошадей... и сено тоже». Морозьявкин, выслушав впечатления графа от встречи со Светлейшим, вполне с ним согласился.

– Значит мы тут вроде шпионов при собственной армии, что ли? – спросил он у графа Г., когда они уже ложились спать на каких-то старых драных тюфяках, набитых гнилой соломой.

– Вроде того, но мы пишем реляции для пользы дела, само собой! – отвечал граф Г., уже думая что он доложит в письме вице-канцлеру.

– Ну раз так, то ты пожалуй потолкайся завтра среди генералитета, послушай к чему они там склоняются, – посоветовал Вольдемар и зевнул, засыпая.

Наутро граф Г. последовал этой рекомендации. Пользуясь близостью к самому главнокомандующему он напросился на военный совет, который однако же несколько сбил его с толку. Из гостиной слышались голоса по-немецки и по-французски, кое-кто не стеснялся говорить и на языке оккупантов, то есть на английском. По углам были навалены какие-то ковры, на которых дрыхли измученные пирушками адъютанты. Военные и невоенные стояли тут вперемешку, русские генеральские мундиры держались на иностранцах как седла на коровах.

Немцы-теоретики стояли стенами, как всегда до крайности самоуверенные. Граф Г. помнил, что немец бывает самоуверен на основании знания науки, которую он сам же и выдумал, и вообще они противные. Впрочем и французы были не лучше – они считали себя обворожительными и неотразимыми как для мужчин, так и для женщин, а таковым мог быть разве что сам граф Г., но никто более в целом свете. Англичане и вовсе полагали себя гражданами самого благоустроенного государства в мире, а уж если вспомнить, что они таки осмелились напасть на нас, то и самого самоуверенного и наглого. Как человек русский, граф был убежден что невозможно вполне знать чтобы то ни было, и поэтому был самоуверен даже тогда когда он ничего не знал и знать не хотел.

Как выяснилось, ночью было получено известие о движении англичан в обход нашего лагеря, и по этому случаю каждый генерал предлагал свой собственный план действий. Шведский вояка, пользуясь оказией, представил свой проект, согласно которому надо было ждать противника в стороне от Московской дороги. Оспаривая его мнение, другие тут же предложили продвигаться вперед и атаковать, дабы выбраться из западни, в которую мы все попали в этом чертовом лагере. Кто-то совал под нос прочим исписанную тетрадку, кто-то уверял что эта позиция с открытым тылом. Немецкий генерал тыкал пальцем в карту, ему возражали по-французски, и он конечно не понимал ни слова.

Словом, тут все было как в поговорке о лебеде, раке и щуке, однако же граф быстро сообразил, что все они боялись военного гения Веллингтона и Нельсона как огня, и страх этот слышался в каждом возражении. Казалось что их ждали со всех сторон сразу, и лишь для самоуспокоения повторяли что дескать адмиралы не воюют на суше, а что касаясь Веллингтона, то у нас тут все же не Индия и ему так свободно не разгуляться – но видно было что и сами мало в это верили.

Граф Г. слушая только удивлялся и думал: «Да что за вздор, какая тут теория, ведь если веселый смельчак вроде меня крикнет во-время: «Ура! В штыки, братцы!» – то десятитысячный отряд врагов мигом разбежится, а если какой-нибудь болван-немец заорет: «мы отрезаны!» то и сто тысяч нашего собственного войска не помогут. Выдумали тут теорий о гениях, а они только на то и годятся, чтобы в срок сухари войскам подвозить. Генералы – полные болваны, да еще и рассеяны до ужаса. Нет, я против низкопоклонства перед воякам – у них каски вместо голов. О, историческая мысль!»

Русские войска стремительно отступали, но не просто так, а по различным государственным и политическим соображениям. В главном штабе шла сложная борьба интересов и страстей, определявшая каждый наш шаг назад. Веселые гусары вообще считали что этот отступательный поход – самое милое дело, тем более летом и с приличным запасом продовольствия. Правда хорошеньких панночек приходилось бросать на пути, так как иначе за армией потащился бы целый обоз маркитанток, но зато уж в качестве разрешенного «продовольствия» забирали и экипажи, и ковры. Один «пьяный лагерь» сменялся другим, и войска все более отходили от польских и балтийских границ, от северных губерний вглубь страны.

Однако же иногда приходилось и воевать. Павлоградские гусары не преминули побывать в серьезном деле, и отиравшийся около них граф Г. не без интереса услышал от штабных о подвиге генерала Раевского, командовавшего гренадерами, ранее отправленного из армии в

отставку Павлом но с началом войны спешно в нее призванного, который будто бы вывел под страшный огонь одного или двоих своих детей, несмотря на их малый возраст. Зза обедом граф пересказал эту историю Морозьявкину.

– Вот ведь болван, – отозвался на это приятель, дожевывая скудную трапезу из петуха по-походному, сваренного вместе с перьями и картошкой над костром. – Все равно там такая суматоха, что никто кроме десятка человек вблизи не видел ни его детей, ни его рвения, да и те кто видел думал о своей шкуре, а не о чужих дитятках. Тоже мне нежные родительские чувства.

– Вот и я думаю то же самое, да уж не стал возражать, – ответствовал граф, – я уж имею опыт, ведь такие рассказы способствуют прославлению нашего оружия. Чуть усомнишься – сразу прицепятся.

– Ага. Кстати под меня уже подтекает... дождь что ли пошел? Тут недалеко корчма, а там симпатичная жена полкового доктора, тоже немка, как и Гретхен. Сидит как королева, а все офицеры вокруг нее прыгают, а уж когда она вечером запирается в кибиточке со своим доктором, то там такое творится – все бегают подглядывать, а потом ржут как кони без причины... пойти что ли туда?

– Фи, там же полно гусар, любителей кобыл, – отозвался брезгливый граф на это заманчивое предложение, – а ты скучаешь по Гретхен?

– Есть немного!

– Ну ничего, скоро пороховой дым повыбьет из тебя все эти глупости! – молвил граф пророчески и был весьма прав.

Уже на следующий же день началась небольшая баталия. Граф, будучи знатоком и охотником, заранее раздобыл себе не паршивую фронтную, а правильную донскую казацкую лошадь, крупную и добрую, не хуже гусарских любимых кобыл, ехать на которой было одно наслаждение. Граф думал о лошади и о докторше, которую успел уже приметить краем глаза, о том кто из них привлекательнее, и будучи весьма волевым напрочь отогнал от себя чувство опасности. Проезжая с Морозьявкиным между березами, он лихо ломал ветки, легко дотрагивался ногой до паха лошади и с жалостью смотрел на приятеля Вольдемара, которым овладел словесный понос. Морозьявкин говорил и говорил, не в силах остановиться, но граф знал, что поможет тому только терпение и время.

Впереди неожиданно послышались выстрелы орудий, и прискакавший адъютант графа Толстого приказал эскадрону гусар идти на рысях. Эскадрон объехал пылящую пешкодралом пехоту и батарею. Поднявшись на гору, лошади взмылились, а Морозьявкин покраснел.

– Стой, равняйся! – заорали отцы-командиры.

Справа стояла в резерве наша пехота, ну а впереди показался неприятель, с которым уже весело перестреливалась передовая цепь. Битый час простояв на месте, гусары должны были наконец покакать в атаку вслед за уланами. Пехота вдвоила взводы дабы пропустить кавалерию, двинувшуюся на англичан. Началась канонада. – Тра-та-та! – хлопали выстрелы. Уланы налетели на английских кавалеристов, оранжевые уланы на рыжих лошадях резко контрастировали с «красными мундирами», как показалось графу, привыкшему на все смотреть с эстетической точки зрения. Однако же англичане стали теснить наших конников, что было недопустимо.

– А не вдарить ли нам сейчас по этим гадам? – осведомился граф у гусарского ротмистра, с которым они вчера как раз раздавили полдюжины трофейного шампанского. – А, Севастьяныч?

– А и в самом деле, лихая будет штука! – отозвался ротмистр.

Граф Г. тронул лошадь, так и просившуюся вперед, и возбуждавшуюся от выстрелов как и ее хозяин. Весь эскадрон, испытывавший то же что и он, тронулся за ним, с рыси они мигом перешли на галоп, свистели пули, всадники летели под гору. Услышав дикие крики «атуи-хумать», английские конники с перекошенными физиономиями стали разворачивать лоша-

дей, через минуту конь графа Г. взял на абордаж, если так можно выразиться, намеченную им жертву, врезавшись своим передком в задок чужой лошади.

Сам граф, тоже желая внести лепту в победу, рубанул британца-всадника шашкой, тот пытаясь выпростать ногу из стремени закричал «I surrender!», морща свое белобрысое типично британское лицо, даже не боевое, а какое-то комнатное. Гусары со всех сторон начали возиться с британцами, которые хотя и были в большинстве своем ранены, но упорно не давались. Некоторых гусарам приходилось увозить в плен захваченных, сажая их на крупы своих лошадей. Поглядев на эти противоестественные «сладкие парочки», граф Г. испытал какое-то неприятное чувство.

Граф Толстой, встретив вернувшихся с победой гусар, поблагодарил их и отдельно пообещал Михайле георгиевский крест. Британец, которого тот рубанул, был не так уж и ранен, и встречал своего пленителя графа притворно-сладкой улыбкой. «Да они ведь боятся насилия еще больше нашего, так зачем сюда приперлись?» – подумал граф и несколько дней ходил хмурый и оставался недоволен Морозьявкиным, жизнью и начальством.

* * *

В Москве между тем среди городского населения распространялись самые дикие слухи. Говорили что у Веллингтона миллионное войско, что скоро сам император наконец-то приедет из неудачливой армии в святую столицу, что будет воззвание и манифест, но пока что Петербург пал, Смоленск сдан, и Россию спасет только чудо.

За чудом разумеется нужно было обращаться к богу. Для этого случая в Москве имелось множество церквей, в одну из которых пришла набожная Лиза Лесистратова. Несмотря на свою былую близость к Тайной экспедиции, о боге она также никогда не забывала, стараясь поддерживать хорошие отношения и с ним тоже. Она уже успела доложить результаты своей невыполнимой миссии у англичан государю, и теперь как статс-дама обязана была разведать обстановку в Москве, дабы подготовить императорский визит туда. Отдав ряд необходимых распоряжений и наведя всюду порядок, на досуге в воскресный день Лиза решила посетить церковь.

Придя в жаркий день к обедне, она увидела в соборе множество роскошной знати. В воздухе разливалась летняя истома. Ливрейный лакей мигом растолкал толпу, дабы дать пройти «ее высокопревосходительству». Лесистратова оглядела туалеты дам, осудила их за излишнюю распушенность и глупую манеру мелко креститься, а услышав звуки службы церковной, ужаснулась тому что на службе родине ей почти совсем потеряна нравственная чистота.

– Ах, зачем я коварно переспала с господами А. и Б., и велела допрашивать с пристрастием господ В. и Г.? – думала она, раскаиваясь. – Неужели необходимые для блага отчизны сведения нельзя было добыть иным, более пристойным, более божеским путем? А господин Д.? Он отправился из-за меня на эшафот, а Е. и Ж. – на каторгу... Ах, как жаль! Научи меня, господа, что мне делать, как мне исправиться, как быть с моей жизнью в конце концов...

Под торжественную читку дьяконом молитвы она стала молиться за воинство, за плавающих и путешествующих, вспоминая графа Г., с которым была когда-то коротко знакома и которого приказала потом бросить в подвал по одному лишь подозрению в заговоре против государя и едва не запытала до смерти, она вспомнила даже смешного, нелепого, но в сущности трогательного Морозьявкина, который ползал пред ней на коленях и так ее боялся. Она молилась чтобы бог простил ей то зло, которое она им сделала. Лесистратова молилась и за любящих, и даже за ненавидящих, за царскую фамилию и за Синод, предавая себя божьей воле.

Однако в середине службы в нарушение прекрасно известного Лизе порядка священник в бархатной скуфье неожиданно стал зачитывать свежеполученную молитву из Синода о спасении России от враждебного нашествия.

– Владыко господи, укрепи благочестивейшего и самодержавнейшего великого государя нашего императора Павла Петровича, помяни его кротость, воздаждь ему по благодати его, ею же хранит ны, твой возлюбленный Израиль, – читал священник неотразимо действовавшим на русскую аудиторию напевным голосом. – Враг смущаяй землю твою и хотяй положить вселенную всю пусту, восста на ны; еже погубити достояние твое, разорити честный Иерусалим твой, возлюбленную тебе Россию: осквернити храмы твои, раскопает алтари и поругатися святыне нашей. Доколе, господи, доколе?!

В том состоянии душевной раскрытости, в котором сейчас находилась Лиза, она пребывала крайне редко. Ей было трудно перестроить свою душу сразу и просить бога о попрании врагов, когда она за пять минут до этого истово умоляла об их и своем прощении. Однако же она просто не могла не верить молитве, хотя только что священник давал совсем другие показания, то есть указания.

– Яви нам, господи, ныне милость твою и спасение твое даждь нам; возвесели сердце рабов твоих о милости твоей; порази враги наши, и сокруши их под ноги верных твоих вскоре! – читал священник, и Лиза мысленно соглашалась и с этим тоже.

– Рано раскаиваться – надо воевать, воевать как можешь, мечом и крестом, коварством и женской хитростью, – мыслила она, сжимая кулачки, что в другое время в церкви сочла бы грехом. – Мы еще их всех опрокинем в море, утопим в балтийской ледяной купели! И слава богу.

– Ты бо еси заступление, помощь и победа уповающим на тя, и тебе славу воссылаем, отцу и сыну и святому духу и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь, – закончил молитву священник.

* * *

В это время многие гуляки со средствами, ранее праздно шатавшиеся по столице целыми днями, почувствовали что надвигается катастрофа, способная положить конец их вольному существованию. Они по-прежнему ездили в общество, кутили, вели жизнь праздную и рассеянную. Однако же с театра войны приходили все более тревожные слухи. Московским главным командующим стал граф Ростопчин, поразительно быстро возвышавшийся в последнее время. Он раздавал всем желающим в большом количестве воззвания государя к москвичам и приказы по армии, а также свои собственные афиши. Все говорили о шпионах, о том что дела в армии хуже некуда, а англичане займут обе столицы еще до осени. Многие горожане надели мундиры и стали проповедовать патриотизм направо и налево, так что их старые знакомые только диву давались.

Пересказывали тот случай, когда к Ростопчину приволокли немецкого «шампиньона», а он его отпустил, сказав что если всякий гриб сажать то никаких оранжерей, то есть казематов, не напасешься. Знать старалась не употреблять английских слов даже в Английском клубе, и многие князья, привыкши к англицизмам, вынуждены были брать учителей дабы учиться выражать мысли на русском языке.

Вышел наконец и государев манифест. В нем, обращаясь к первопрестольной столице Москве, говорилось что неприятель с великими силами пришел разорять наше любезное отечество, и сие для нас неприемлемо. Также говорилось и о надеждах, возлагаемых государем на Москву, на ее знаменитое дворянство, о том что он сам не умедлит стать посреди народа своего в сей столице для руководства ополчениями, и о том что гибель обратится на главу врага, а освобожденная от рабства Европа несомненно еще возвеличит имя России. Многие дворяне, прочитав его, тут же соглашались ради блага отечества всем пожертвовать и ничего не пожалеть.

Государя встречала в Москве целая толпа – все со зверскими лицами работали локтями, дабы лицезреть первое лицо, и кричали «Ура!» Купчихи называли Павла I «ангелом», в которого он недавно и впрямь чуть было не превратился. Все рыдали, в духоте некоторые теряли сознание. После посещения собора государь обедал во дворце, и барон фон Залысовский, прислуживавший ему за столом, не преминул посоветовать выйти на балкон к ждущему народу и бросить им немножко «бесплатных слонов», то есть пирожных. Государь последовал этому совету, и в давке за царским лакомством задавили немало народу, что заставило фон Залысовского пробурчать себе под нос загадочную фразу «Таки да, история повторяется».

В дворянском собрании все из кожи вон лезли чтобы перепллунуть купцов, которые ворожали миллионами, и обещали поставить под ружье по десятку человек с тысячи, что казалось неслыханной щедростью. Все старичье влезло в мундиры, старые екатерининские и новые павловские, так что зрелище было еще то. Некоторые впрочем опасались что от ополчения будет одно разорение и нужно произвести пожалуй новый набор в армию. Робкий голос здравомыслия, говоривший что следует наперед спросить у государя сколько все-таки у нас есть войска и в каком положении очутилась армия, заглушался ура-патриотическим хором, кричавшем что за родину не пожалеют ни крови, ни чего-либо другого, и не время рассуждать и нести всякие бредни, а время всем идти воевать за царя-батюшку. Говорилось также, что Москву конечно сдать придется, но зато она станет искупительницей.

Перед визитом Павла I к собравшимся вышел граф Ростопчин, еще раз подтвердивший, что придется не щадить ни себя, ни ополченцев. Скорым шагом в залу вошел Павел, и уже в первом его слове «господа» послышалось нечто человеческое, чего казалось уже и не приходилось ожидать. Он призвал всех к действию, не теряя времени, причем был столь любезен, что отдельно поговорил и с купечеством, отчего малочувствительные откупщики даже зарыдали, умоляя его взять и их жизнь и имущество. Впрочем на следующий день они сами удивились тому что наделали, согласившись на пожертвования.

Между тем колесо войны неумолимо катилось, с каждым днем приближаясь все ближе к древней столице. Веллингтон с Нельсоном, выполняя волю короля Британии, желали сделать Россию своей новой колонией наподобие Индии и из дикой отсталой страны превратить в цивилизованную. Павел I чувствовал себя лично оскорбленным, и потому не желал вести никаких переговоров. Граф Г. помчался в атаку на британцев потому что ему очень хотелось проскакать на новой лошади под горку. Все участники этой войны действовали вследствие своих личных свойств, привычек, условий и целей. Провидение заставляло всех этих различных людей работать на один огромный результат. Британцы не были готовы к зимней кампании, к ожесточению народа, к партизанской войне, и весьма опасно растянули свою линию.

Государь делал упреки командующим буквально за каждый шаг отступления, причем упреки эти выражались сначала в форме весьма резкой, к которой подданные уже привыкли и за которую они чуть было не прикончили не так давно своего императора. Павел с бешеным лицом ходил перед вытянувшимися во фронт седыми генералами, и распалясь хлестал их по толстым щекам перчатками и стеком. Услышавши об оставлении Смоленска, перед которым врагу не дали даже сколько-нибудь значительной битвы, и о том что город был сожжен, он даже было хотел расстрелять трех генералов перед строем, но опаматовался и просто лишил их царской милости в виде обычного ужина. Впрочем и сами военачальники и вообще русские люди начали уже негодовать ввиду столь значительного отступления.

Факты говорят, что Веллингтон не предвидел никакой опасности ни в продвижении на Москву, ни за ее пределы. Впрочем и русские вовсе не намеревались заманивать англичан. Все происходило как бы нечаянно. Наши армии ловко отходили от англичан и друг от друга из-за взаимной неприязни генералов, командующих ими, Кутузов к тому же имел еще тайную мечту удалиться как можно дальше от государя, исполнившуюся только когда тот воспользовался предлогом и уехал к населению Москвы. Поэтому войска отступали сложным извили-

стым маршрутом со множеством острых углов, чем-то напоминавшим эпический поход Ивана Сусанина с польским конвоем.

Император, находясь при армии, вместо ее предполагаемого воодушевления только путал всем карты. Энергия действий уничтожалась, Павел и сам это чувствовал, но причины понять не мог. Наконец видя что дела идут вкривь и вкось, и объяснив это для себя тупостью и неспособностью генералитета, подводившего своего государя на каждом шагу под монастырь, он бросил попытки модернизировать на ходу ленивую армию, так и не перестроившуюся по прусскому образцу, и уехал в Москву, что немедля утроило силу русского войска.

Однако же и тут возник плюрализм мнений, и не было кворума. Барклай-де-Толли желал осторожности, цесаревич призывал дать генеральное сражение, Багратион писал доносы лично государю на военного министра Аракчеева, а самому Аракчееву – на всех остальных. В Смоленске, несмотря на интриги и раздоры, англичанам неожиданно дали сражение, однако же все равно пришлось отступить, несмотря на тысячи убитых с обеих сторон. Разоренные жители Смоленска вдобавок сами сожгли свой же собственный город и толпами ринулись в Москву, думая только о своих потерях и совершенно не заботясь о том рады ли москвичи понаехавшим, что еще более разжигало ненависть у московских обывателей как к оккупантам, так и к провинциалам. Веллингтон шел все дальше, а мы отступали.

Между тем граф Г. составил очередную реляцию князю Куракину о положении дел в действующей армии и общем ходе событий. Он писал:

«Милостивый Государь

Князь Александр Борисович

Я полагаю что министр уже доложил об оставлении Смоленска. Больно и грустно, вся армия скорбит, и я тоже. Клянусь честью, что британцы были в мешке, но мы так и не затянули узел. Я верю главнокомандующему как самому себе, почти как Вам, но отчего же мы отдали так много земли нашего доброго Отечества этим сволочам? Чего трусить-то? Флигель-адъютанты более преданы Веллингтону с Нельсоном, чем нам, вся армия ругает их насмерть. Я схожу с ума от досады, остается только проявлять чудеса личной храбрости. Отступаю вместе со всеми, повинуюсь только из любви к государю и Вам, моему благодетелю, а иначе устроил бы партизанскую войну, и по крайней мере мы не потерпели бы такой ретирады. Войска дерутся как никогда, а мира никакого нам не надобно – война до победного конца! Простите что дерзко пишу – зато то что думаю. Правду говоря, надо готовить ополчение, ибо мы мастерски ведем за собой гостей.»

В салонах Москвы и Петербурга, временно переехавших в Москву, в одних распространялись, а в других опровергались слухи о жестокости врага, впрочем все сходились на том что Кутузов кроме неприятностей ничего не дал государю. Князь Алексей Куракин, брат вице-канцлера, вспоминал о своих предупреждениях в Дворянском собрании, когда он уверял что Кутузов разочарует государя.

– Да он и верхом сесть не умеет! Слепой, дряхлый, самых дурных нравов. Он ничего не видит, хоть в жмурки с ним играй. Разве можно такого назначать в такую минуту?

На это решительно никто не возражал. Однако когда Павел авансом неожиданно произвел Кутузова в фельдмаршалы и ясно было что он останется командующим армией несмотря на все предыдущие неудачи, тот же князь Алексей заявил, что Кутузов теперь не просто главнокомандующий а другой самодержец, и что теперь главное, чтобы он никому не позволил вставлять себе палки в колеса, и никто уже не напоминал ему о его прежнем мнении.

* * *

Однако же прошедшие Смоленск британцы двигались все ближе к Москве. Веллингтон и Нельсон, что называется носом землю рыли, отыскивая себе сражений пожарче, Они желали

сражаться и у Вязьмы, и у Царева-Займища, но русские упорно не шли навстречу их желаниям. Видя что делать нечего, британские командиры отдали приказ о движении прямо на Москву, к центру азиатской страны, не дававшей им покоя, почти как Индия.

На переходе к Москве произошел забавный случай. Генерал Веллингтон ехал верхом на своем англазированном, как и следовало ожидать, иноходце. Все время сопровождавший его Нельсон несколько отстал, так как с одной рукой ему было нелегко удерживаться на коне, но потом догнал и сообщил, что поймали пленного казака.

– Well? – поинтересовался Веллингтон.

– Это казак Платова, возможно он вас позабавит. Говорит что Кутузов не хочет сражаться ни при какой погоде, – ответил Нельсон коротко, по военно-морскому.

Веллингтон улыбнулся и велел дать этому казаку лошадь и привести к себе. На самом деле казак этот был никакой не казак, а не кто иной как наш старый знакомый Вольдемар Морозьявкин, отбившийся от графа Г. при одном особенно быстром отступательном переходе, а точнее говоря бегстве гусар. В деревне он погнался за гусями, которых очень любил в жареном виде, и так, за мародерством, и был пойман английскими пехотинцами. Морозьявкин где-то раздобыл денщицкую куртку и модное французское седло, и теперь с пьяной физиономией, еще более плутовской чем обычно, подъехал к Веллингтону.

– You are a Cossack? – спросил английский генерал.

– Я-то? Да конечно казак, а кто же еще? Я есаул! Иез, сэр! – ответил Морозьявкин молодчески подкрутив ус и зачем-то почесал огромный шнобель.

Вольдемар сразу распознал Веллингтона и особенно Нельсона, которого учитывая его физическое увечье не узнать было невозможно. Как человек хитрый и выдававший всякие виды, он нисколько не смутился, так как присутствие британских генералов смущало его не более чем общество графа Г., которого он ни в грош не ставил. Терять ему было нечего, кроме своих цепей да кисета с пахучим табаком.

– А как вы, русские, думаете, победите вы Веллингтона с Нельсоном или нет? – спросил его Веллингтон, притворяясь будто он – это не он, а кто-то совсем другой.

Морозьявкин призадумался, видя что тут есть какая-то тонкая хитрость, и молчал чуть ли не четверть часа, в продолжении которого англичане успели выкурить по сигаре.

– Нет, ну если сражение прямо сейчас, так сказать без прелюдий, так само собой. Ну а если скажем денька через три, то на этом сражении мы так оттянемся что никому мало не покажется.

Веллингтону перевели это так, что сражение нужно давать поскорее, иначе только бог, наш создатель, может знать что произойдет. Он несмотря на свое веселое настроение не улыбнулся и решил проверить реакцию казака на громкое имя того, кто был перед ним.

– Да знаешь ли ты, кто стоит перед тобой? Это же сам генерал Веллингтон, гроза Европы и покоритель Индии, который сшибал головы раджей как кегли в боулинге! – объяснили Морозьявкину переводчики.

Вольдемар притворился, что прямо ошеломлен.

– Да не может такого быть! Значит вы из Индии и прямо сюда? Из огня да в полымя? – переспросил он. – Веллингтон всех в мире побил, сие нам известно, и вместе с Нельсоном это боевой сухопутно-морской тандем... да про нас другая статья, – неизвестно зачем прибавил он патристическую подковырку и замер.

Британцы решили, что былая болтливость была полностью вытеснена чувством молчаливого восторга. Веллингтон хмыкнул, и несмотря на то что Морозьявкин показался ему даже привлекательнее Лизы Лесистратовой, велел наградить его несколькими фунтами денег и отпустить как маленькую птичку колибри в родные джунгли.

Уже скоро отпущенный Морозьявкин поскакал на аванпосты, нашел настоящих казаков, выспросил где теперь стоят гусары, а где расположилась штаб-квартира всей армии и сам Свет-

лейший, ожидая найти там поблизости графа Г., и действительно вскорости с ним воссоединился. Граф Г., как раз совершавший конный вечерний променад с ротмистром, дал другу Вольдемару лошадь и вновь взял его с собой. Хотя обычно Морозявкин рассказывал графу о своих приключениях, на этот раз он решил скромно промолчать, считая что такая мелочь как встреча с главными оккупантами земли русской недостойна его рассказа.

* * *

По пути к Москве графу Г. пришлось совершить еще один маленький подвиг. Лиза Лесистратова как раз решила навести порядок в своем свежеподаренном подмосковном имении Волосатые холмы, а также провести оттуда эвакуацию. Это было как раз то имение, которое ей подарили за беспорочную службу, не слишком далеко от первопрестольной, причем направление она выбрала сама. Ранее оно принадлежало какому-то старому князю, большому упрямцу, который совершенно не верил в возможный приход неприятеля и утверждал, что далее Польши никакой захватчик никогда не продвинется, и хотя и умер не успел внушить свою веру мужикам.

Между народом явно происходило волнение и противно тому что творилось в округе Волосатых холмов, где все крестьяне сматывали удочки и уходили (предоставляя хозяйственным казакам разорять свои деревни), в имение Лизы доходили слухи что нашлись крестьяне, которые имели тесные сношения с британцами, получали какие-то бумаги, ходившие между ними, и оставались под оккупантами.

Ездивший на днях с подводой мужик Поликарп, имевший большое влияние на мир, возвратился с известием что проклятые миродеры-казаки разоряют деревни, из которых выходят наивные жители, но что британские «жинтельмены» их не трогают, а другой мужик вчера привез даже из села Кособрюхова бумагу от генерала британского, в которой поселянам объявлялось, что им не будет сделано решительно никакого вреда и за все что у них возьмут на нужды британской армии и флота заплатят втрое. В доказательство того мужик привез из Кособрюхова сто фальшивых, но очень похожих на подлинные рублей ассигнациями, выданных ему щедрыми британцами авансом.

Собрав все свое недавно ввезенное имущество, Лесистратова уже готова была отдать приказ грузиться и ехать. Однако тут же на ее пути возникли непредвиденные трудности в виде православного населения, не желавшего бросать свои дома и уезжать навстречу неизвестности. Как донесла Лизе ее личная агентура в лице старосты и управляющего, у кабака, обычного места сборищ деревенского бомонда, состоялась сходка, где решено было не давать госпоже подвод и вообще угнать лошадей в лес.

– Вы что там, вконец уже охамели? С ума посходили все, да как можно не давать лошадей мне, вашему любимому высокопревосходительству! – возмущалась Лиза, жалевавшая что не взяла с собой воинскую команду в подмогу.

– Народ совсем взбуровило, – пояснял ей старый управляющий, – пьют по-черному, уже вторую бочку привезли.

– Но я непременно хочу ехать, ночью или завтра рано утром.

– Лошадей нет, – отвечал староста, крепкий мужик без единого седого волоса, глядя на Лесистратову исподлобья.

– Отчего же это их нет?

– Да от божьего наказания. Какие были, так войска разобрали, а прочие сдохли все до единой. Вы сами поглядите, какой у нас год на дворе. Мы и сами уже три дня не евши, разорили нас вконец. Как бы самим не подохнуть с такими делами.

– Лучше запрягайте, а то хуже будет, – прикрикнула Лизонька.

– Власть ваша... – отвечали они печально, но не запрягали, и даже конь у них не валялся.

Напрасно Лесистратова говорила, что видит под ними, разбойниками, на три метра вглубь – упрямые крестьяне стояли на своем и не желали с него сходить. Тогда она приказала собрать всех у амбара и решила раздать им господских хлеб, надеясь так купить их расположение. Однако толпа угрюмо молчала.

– Да понимаете ли вы что есть приказ, и царский, и мой личный – весь народ отправить и с неприятелем не оставаться. А кто останется – тот царю изменник! Неужто хотите под англичанами жить, они же все нетрадиционные!

– Что ж нам, бросить все? Нет нашего согласия! Мы тебя конечно жалеем, но на это пойтить не можем. Давай уж сама, одна езжай! – раздавалось в толпе с разных сторон, и на всех крестьянских физиономиях нарисовалось выражение озлобленной решительности.

– Ну верно до вас не доходит никак – я ж вас буду кормить, поселю где-нибудь, а здесь англичанин разорит свежие могилы ваших отцов, сдерет с трупов все ценное! – сказала Лесистратова запальчиво.

– Нету на наших отцах ничего ценного, чай не князья, без орденов в гробы ложились! – закричали в толпе. – Не надо нам ни хлеба твоего, ни тебя самой! Вишь ловкая какая – дома значит разори, да за ней в кабалу ступай, за какой-то кус хлеба с барского броса, как собакам!

Лесистратова, видя что окружена сплошь изменниками и куркулями, проявлявшими странную толерантность к англичанам, уже и не знала что ей делать. На ее счастье недалеко оказался сам граф Г., который, сопровождаемый только что вернувшимся из плена Морозьявкиным, и парой знакомых гусар, поехал разузнать нет ли в деревнях поблизости сена для лошадей и симпатичных девок для личного состава.

Имение Волосатые холмы находилось как раз между неприятельскими армиями, и туда мог въехать как русский арьергард, так и британский авангард. Ротмистр Андрей Севастьянович, которого граф по свойски звал Севастьянычем, как заботливый командир желал раздобыть там еще и провиант.

Граф Г. и Вольдемар в этот осенний погожий день пребывали в самом веселом расположении духа, несмотря на весь трагизм положения русской армии и империи в целом. Морозьявкин все-таки протрепался о своей встрече с Веллингтоном, и теперь все его подкалывали, и спрашивали правда ли Нельсон одноглазый как Кутузов, и кто из английских генералов симпатичнее и мужественнее – сухопутный герой Веллингтон или же морской волк Горацио, несмотря на свои увечья. Иногда все пускались вперегонки, пробуя лошадей.

Морозьявкин утверждал, что на своем английском жеребце, как он называл дохлую клячу, он всех бы мигом обогнал, да только не хотел их срамить. Граф Г. и знать не знал, чья это была деревня. Наконец они подъехали к амбару, где все еще стояла толпа. Некоторые мужики стали драть шапки, а другие и вовсе тупо глазели на приехавших господ, не собираясь ничего снимать. Пара мужиков, со сморщенными лицами, выползли из кабака что называется «на бровях» и пьяными голосами завели какую-то развеселую песню, метя редкими бородами уличную грязь.

– Вот молодцы, однако! – промолвил граф Г. – А что, отцы, сено в деревне есть?

– Сено-то? На закуску что ли? Да вы сами из каких будете? – дерзко спросил мужик, отделившийся от толпы и подошедший к графу ближе, чем это предусматривал придворный этикет.

– Мы британцы! Вон и сам одноглазый и однорукий... то есть совсем безрукий Нельсон! – ответил ему граф, все еще весело, указывая на Морозьявкина, который обиженно заметил что наоборот это у графьев руки растут не откуда надо.

– Да вы кажитесь русские? А кресты на вас есть? А много у вас тут силы-то? – спросил мужик, как видно что-то прикидывая.

– Эскадрон гусар летучих, ясно? А вы вообще чего это тут сучились? Праздник что ль? – спросил граф грозно, так как болтун мужик уже начал ему надоедать.

– Да мы тут так, по мирскому делу, – уклончиво сказал мужик и растворился в толпе.

В это время к маленькому отряду графа подошел посланный Лизой управляющий, и попытался разъяснить истинное положение дел во взбунтовавшейся деревне.

– Осмелюсь обеспокоить ваше высокоблагородие, – начал управляющий издали, чтобы молодому с его точки зрения офицеру было понятнее, – моя госпожа, баронесса, статс-дама государя, находится в затруднении по случаю невежества этих скотов, и просит вас пожаловать на переговоры.

– Да в чем затруднение-то? Что за проблема? – спросил все еще не въехавший, как говорится, в суть вопроса граф, и усмехнулся, глядя на то как пьянчуги ползли по дороге уже и вовсе падая ниц.

– Да в том проблема, что местный грубый народец не выпускает мою госпожу из имения и еще грозитя отпрячь ее господских лошадей. С утра все уже уложено, а выехать не можем. Или может это вас утешает?

– Тут утешения мало, вообще такого не может быть! – ответил граф Михайло грозно, и стал выспрашивать у управляющего подробности этого неслыханного воровства. Действительно вконец обнаглевшие мужики уверяли что даже есть приказ не выпускать госпожу, а вот если она останется, то они станут по-старому ей служить и повиноваться.

Госпожа Лесистратова сидела в зале господского дома, когда к ней ввели графа Г. Он предполагал увидеть беззащитную и убитую горем девушку, однако Лиза метала громы и молнии и вовсе на таковую не походила. Кротость и благородство в ее чертах и выражении напрочь отсутствовали.

– Так это вы... вы! – воскликнул граф Г., узнав свою старую знакомую. – Какими судьбами?

– Извольте не задавать идиотских вопросов, граф Михайло. Да, это опять я. А это снова вы. Я теперь баронесса и статс-дама и обращаться ко мне следует «Ваше высокопревосходительство». Это мое имение, жалованное мне государем за те же заслуги, за которые наградили и вас. И как человек моего круга, вы просто обязаны забыть наши мелкие размолвки и немедленно мне помочь, – ответила Лиза против воли дрожащим голосом.

– Значит мы теперь одного круга, сударыня? Да, вот ведь черт возьми как получилось...

– Меньше слов – больше дела. Вы мне помогаете или я пишу царю, что его хваленый граф Г., кавалер всех орденов – размазня и тряпка?

– Не надо, не надо! Не могу вам выразить, как я счастлив, случайно заехав сюда! – Граф Г. решил стать настоящим дипломатом. – Скоро уже буду в состоянии показать вам свою готовность, извольте ехать, я отвечаю вам своей честью что ни один человек не посмеет сделать вам неприятность!

– Я позволяю вам, граф, конвоировать меня, – милостиво ответила Лиза, поняв и оценив его тон и дав ему свою руку для поцелуя.

Граф Г. низко поклонился ей, как кланяются особам царской крови, и вышел из комнаты. У порога господского дома его встретил Морозявкин и гусары.

– Ну что, хороша барыня? Наша будет! – спросил его Вольдемар, так и не разглядевший с кем беседовал в комнатах приятель.

– Эта барыня – Лиза Лесистратова, ясно? – пояснил граф размахивавшемуся другу.

– Вот черт... Значит наоборот – мы ее будем, – философски ответил тот, а гусары весело заржали вместе со своими кобылами.

– Гусары, молчать! За мной! – прикрикнул на развеселившихся не в меру спутников граф Г. и быстрым шагом направился к деревне.

– Какое решение изволили принять, ваше благородие? – спросил графа догнавший его рысью управляющий.

– Чегоооо? Решение? Ты чего, старый хрыч, совсем уже умишком тронулся? Мужичье бунтует, а ты куда смотришь? Изменники! Сам не умеешь справиться, так я шкуру со всех вас спущу!

– Стойте, ваше графское, у нас же и воинской команды нету, а мужики в закоснелости! – завопил управляющий, уже скача за графом галопом.

– Я вам дам воинскую команду, разбойники, я вам попротиводействую! – граф задыхался от животной злобы, и твердой походкой и с нахмуренным лицом наступал на взбунтовавшуюся деревню практически в одиночку.

Как только граф Г., сопровождаемый Морозьявкиным и гусарами, подошел к толпе, самый наглый мужик по имени Поликарп, кричавший ранее на сходке что мироеды кубышки выроют и уедут, а у него тут дом, выдвинулся вперед и даже стал дерзко улыбаться.

– Кто тут у вас староста? А? – спросил граф Г., подойдя к толпе.

– Старосту вам? А с какой целью интересуетесь? – спросил Поликарп, и тут же потерял шапку от крепкого графского удара в зубы.

– Шапки долой, изменники! – крикнул граф своим полнокровным командным голосом.

– Много вас тут, начальства! – заговорили негодяи из толпы.

– Чтоо? Разговаривать? Бунт? Барское имение не место для дискуссий! Разбойники! Изменники! – завопил граф Г. уже не своим голосом. – Вяжи его, вяжи!

Морозьявкин подскочил к Поликарпу и быстро закрутил ему руки назад приемом борьбы, перенатым у петербургских городских.

– Может прикажете наших кликнуть из-под холмов? – спросили гусары.

Тут же нашелся и спрятавшийся среди крестьян староста, которому не удалось отсидеться. Гусары связали и его, сняв пояса с других мужиков.

– А теперь всем слушать сюда! Марш всем по домам, и чтоб и голоса вашего я не слышал! – обратился граф Михайло к почтенному мужицкому собранию.

– Да мы никаких обид никому не делали. Это мы так, по глупости, сотворили эти непорядки и вздор, все глупость наша, – заговорили вдруг раскаявшиеся мужики.

– Это вы прокурорским расскажете, – пояснил собравшимся Морозьявкин.

Связанных мужиков отвели на барский двор, где Лесистратова устроила им скорый военно-полевой суд, приговорив за измену родине и ей лично к порке чуть не до смерти. И уже скоро еще непоротые круглолицые мужики грузили на подводы лизины шкатулки, библиотечные шкафы и прочее имущество, под ценные замечания вроде «Да, книги здоровые, писали не гуляли». Лиза лично, не доверяя горничным, распоряжалась мужиками и убедилась что все ее господские вещи уложены как надо, и прикрыты сеном и рогожами.

Граф Г. дождался выезда госпожи Лесистратовой из дома, и провожал ее верхом только двенадцать верст, не желая навязывать ей продолжение знакомства.

– Да не стоит благодарностей, каждый становой сделал бы то же, – скромно говорил граф, когда Лиза упорно хотела поблагодарить его за свое спасение. – Не целуйте меня, люди смотрят, как вам не совестно... Я счастлив, что имею... ммм... случай возобновить с вами знакомство.

Однако Лиза продолжала благодарить графа, как он не отнекивался.

– Ах, граф, без вас я несомненно погибла бы от бунтовщиков и англичан! Они такие невежы... совсем не ценят хорошеньких женщин. Вы подвергали себя страшным опасностям... Вы человек с благородной душой! У вас такие добрые и честные глаза...

Когда Лиза наконец расставшись с графом ехала в карете к Москве, ей в голову вдруг пришла странная мысль – уж не влюбилась ли она?

«И надо было ему приехать в Волосатые холмы именно в эту минуту! Я люблю его в первый и в последний раз... Он вовсе не такой хвастливый профан, каким казался мне сначала... Дааа, да конца жизни любить буду!» – думала она, вздыхая и трясясь в карете с горничной.

* * *

Когда государь наконец-то уехал и из Москвы тоже, жизнь в городе потекла обычным порядком. О патриотизме вовсе никто не вспоминал. Трудно было поверить, что Россия и вправду в опасности, и что члены до сих пор существующего Английского клуба суть сыны отечества, да еще и готовые для него на всякую жертву. Единственное, что все же надо было жертвовать людей и деньги, раз уж обещались – это было неизбежно.

Чем ближе неприятель был к Москве, тем легкомысленнее москвичи глядели на свое положение. Как обычно в душе их говорили два голоса, причем один рассудительно советовал поискать средство для избавления от опасности, ну а другой предлагал вообще не думать об опасности, так как слишком уж это тяжело и неприятно, и лучше отвернуться от нее. В обществе второй голос как известно чаще побеждает, поэтому редко когда так веселились в Москве, как в 1802 году от рождества Христова, в преддверии английского нашествия.

Ростопчин публиковал афиши собственного сочинения, где герой, какой-то московский целовальник Гаврюшка, ругал скверными словами всех англичан выйдя из своего питейного дома и открывши митинг под орлом. Говорилось, что они от борща раздуются и от каши лопнут, и одна баба троих британцев грудью придушит, хотя некоторые эстеты и утверждали что это пошло. Из Москвы срочно выслали всех иностранцев, думая что между ними затаились британские агенты и шпионы, а также убрали наконец-то все присутственные места, тем самым предвосхитив план о расширении столицы, начавший реализовываться два столетия спустя. Говорилось что уже за одно это Москва должна быть благодарна Веллингтону, упоминалось что на ополченцев помещики ухлопали сотни тысяч рублей, зато зрелище их выступления в поход в полном обмундировании будет еще то, да к тому же и за билеты денег брать не будут.

Также в афишах Ростопчина говорилось что он весьма рад отъезду из первопрестольной всяких барышень и купеческих жен. Там градоначальник жизнью клялся что ноги неприятеля в Москве не будет ни за что, и из этого многие горожане, привыкшие читать между строк, вывели заключение что противник будет в столице непременно. Казалось бы ясно – главная наша штаб-квартира ныне в Вязьме, англичане побеждены, но однако же все желающие могут купить оружие, сабли и пистолеты, в арсенале по дешевой цене. Туча приближалась, и останавливаться не собиралась. Многие обыватели задавались вопросом: дожидаться или напротив даже поступить в военную службу, дабы самим драться с неприятелем? Вопрос был сложен, и некоторые дабы его разрешить раскладывали пасьянс.

Очевидно было, что приближается всеми ожидаемая катастрофа. За иностранную речь на улицах озверевшие вконец обыватели могли и убить говорившего, тем более что Ростопчин так и писал в афишах – дескать любого за хохол и на съезжую. Некоторые дворяне закладывали имения, дабы вооружить ополчение, другие оставались в городе несмотря ни на что, по принципу «чем хуже – тем лучше».

На Лобном месте проводили экзекуции английских поваров, гувернеров, врачей и вообще всех, кого удавалось поймать, и кто по неосторожности еще не покинул пределы России. Чиновники, мещане и мужики не без удовольствия наблюдали это зрелище, приговаривая что дескать англичашкам русское блюдо из розог не по нутру пришлось.

* * *

Граф Г. и Морозьявкин также готовились к решающей битве, находясь в гуще войск, шедших за Можайском. Везде виднелась масса солдат, казаков, пушек, фур и ящиков, без чего не готовится ни одно настоящее сражение. Собственно какое-то сражение, как рассказали

Морозьявкину в деревне Перхушково, через которую они проезжали, уже было, да такое жаркое, что земля дрожала от выстрелов, вот только никто так и не понял кто же победил.

Графом овладело какое-то чувство беспокойства, необходимости что-то предпринять и даже чем-то пожертвовать. Он попытался на ходу объяснить другу Вольдемару, что все что составляет счастье людей, как-то: удобства жизни, богатство и проч., на самом деле есть вздор, который приятно откинуть, и что он находит в таком жертвовании особенную прелесть. Морозьявкин внимательно посмотрел на графа, покрутил пальцем у виска, что уже в те времена считалось знаком сумасшествия, и подхлестнув лошадь поехал далее.

Ежели теперь, по прошествии времени, внимательно рассудить, зачем мы устроили англичанам Бурдинское сражение, было ли оно так уж необходимо и вообще случалось ли в истории, то совершенно понятно, что ни для англичан, ни для русских оно не имело никакого смысла. Британцы приблизились к гибели армии, а мы – к гибели Москвы, обе противоборствующие стороны боялись этого больше всего на свете. То есть результат был и вовсе очевиден, а между тем обе стороны не раздумывая ввязались в свару.

И Кутузов, и Веллингтон рисковали недосчитаться четверти армии – казалось бы для британцев, зашедших сюда за пару тысяч верст, вероятная случайность этого события была верной гибелью, да и Кутузов, несмотря на очевидную одноглазость, мог бы догадаться что если разменивать шашки при первоначальной их недостатке то наверняка проиграешь – это же ясно математически. Но тем не менее Кутузов, умный и опытный, принял сражение, а блестящий полководец Веллингтон и флотоводец Нельсон его дали, еще более растянув свои и без того расплзшиеся как спагетти войсковые линии.

Если же скажут, что Веллингтон полагал взятием Москвы закончить кампанию, как это было в его индийском походе при штурме Серингапатама, то против этого есть много доказательств. Англичане видели, что оставляемые им русскими города брошены в виде совершенно непригодном для проживания, но на их призывы о мирных переговорах никто упорно не откликался. В общем и Кутузов, и британские полководцы поступили очевидно бессмысленно, будучи рабскими и произвольными деятелями мировых событий.

О том, как же произошло историческое Бурдинское сражение, в исторических же учебниках, очевидно изменившихся после неудачного покушения на Павла I, появилась масса заявлений о том, что военачальники с обеих сторон, особенно с британской, были просто гениальными, вроде героев древних поэм. Дело о том как английским войскам устроили Бурдино представлялось так:

Русская армия будто бы искала себе местечко поудобнее, отступая от Вязьмы и Смоленска на всех парах, русские будто бы укрепили эту позицию у Бурдина под прямым углом к наступающим англичанам, впереди же на редуте был выставлен наблюдательный пост, впоследствии взятый Веллингтоном с набега.

Так говорилось повсюду – и совершенно несправедливо, как легко увидит всякий, решивший наконец войти в тему и понять в чем суть вопроса. Русские не отыскивали лучшей позиции, а просто были приперты Веллингтоном что называется к стенке, а точнее к Кремлевской стене. Кроме того народ наконец-то потребовал от Кутузова сражения, то есть подпер его с другой стороны. Ополчение наконец подготовилось, и Кутузов, оставивший массу прекрасных позиций на пути к Москве только потому, что они были выбраны не им лично, понял что далее отступать ему уже не дадут.

Никто не только не укреплял с русской стороны позицию заранее, но и вообще не знал что это та самая позиция. Редут впереди нее заставил положить при его обороне несколько тысяч человек, меж тем как для наблюдения за коварными англичанами достаточно было казачьего разъезда. Словом для сражения русские выбрали весьма неожиданное как для них так и для противника, и практически неукрепленное место.

Коварный Нельсон, вспомнив о своем опыте флотоводца, внезапно форсировал речку Колочу, перенес все место будущего сражения и заставив русские войска выйти в чистое поле безо всяких укреплений. Им приходилось укреплять позицию где попало, что называется по ходу дела. Невыгода положения укрепились еще и тем, что русские военачальники не желали признавать свершившегося факта и поворачивать свое войско заранее, так что им пришлось передвигать армию уже во время боя. Это неизбежно привело бы к разгрому и бегству, и могло быть компенсировано только героизмом войска и всего народа, и как обычно так и произошло.

Проезжая через Можайск можно было заметить раненых во вчерашнем деле. В соборе спешно благовестили, призывая бога в помощь, по горе спускался конный полк, подбадривающий себя песельниками. Кучера аристократических выездов орали на раненых, чтобы те пропускали барские кареты. Раненые старые солдаты вопрошали землячков положат ли их тут или же погонят до Москвы, а там и до Сибири, некоторые полагали что отступать придется до Персидского царства, хоть никто в точности не знал где оно. Говорилось и о том, что раз уж даже мужиков на убой гонят, то надо перед Москвой всем навалиться и устроить «один конец». Песельники пели про то что «запропала ежова голова», некоторые крестились, глядя на собор. Солнце жарило, колокола звонили.

Граф Г. с Морозьявкиным сошлись во мнении, что тут «будет на что посмотреть». Граф хотел узнать, где же устроена та самая позиция для сражения, на что Морозьявкин посоветовал ему спросить сие у Светлейшего, так как это мог знать только он и еще господь бог. Впрочем, посмотрев с кургана, Вольдемар обнаружил, что кое-где много копают.

Доктора жаловались что на сто тысяч войска будет как минимум двадцать тысяч раненых, а телег и носилок не хватает, и вертись как хочешь. Граф весьма поразился тому что поранится или даже умрет столько народу, а также тому что кавалеристы вместо того чтобы думать о смерти, удивляются на всякую хрень вроде барских шляп. На его щегольскую фасонную белую шляпу из последней парижской коллекции мужичье глядело с каким-то детским удивлением, даже разинув рот.

В поисках Светлейшего, которого он и впрямь уже давно не видел, граф въехал в деревню, где суровые мужики с потными шеями и в грубых сапогах перебрасывали землю под руководством офицеров, забавляясь своим военным положением, а некоторые несмотря на это упорно стояли в стороне и ничего не делали. Это сразу напомнило чувствительной душе графа о торжественности и значительности момента. Взойдя на курган и любовавшись, как из амфитеатра, полем будущего сражения, подобном большой панораме, освещаемой солнечным светом, с дорогами, мостами, спусками и подъемами, а также лесом на горизонте, граф Г. осведомился у Морозьявкина что там за деревня впереди.

– Бородино, или как там его бишь? А, Бурдино, язык сломаешь, намерен переименовали согласно царского рескрипта для благозвучия, – ответил приятель, вглядываясь в синь дымов, запаленных то ли нашими, то ли англичанами, стоявшими где-то неподалеку.

– А наши войска где? Не могу их отличить от неприятеля, понимаешь ли. Зрение что ль ослабло, – пожаловался граф.

– А вон где дымит сожженная деревня – там и наши, вестимо. А подальше британцы. А левее – опять наши. Ну а за ними – снова бриты, как на шахматной доске, – пояснил им подъехавший офицер с довольной улыбкой.

– Так это и есть значит наша позиция? В нее нас тут поставили? – осведомился граф Михайло.

– Да, именно она! Я тут все сам строил, сейчас расскажу, – офицер обрадовался случаю поговорить. – Англичан простым глазом видно. Центр в Бурдине, там где сено покошено, и на правом фланге у нас редуты очень сильные.

– А на левом что? – спросил офицера Морозьявкин, озабочась вдруг положением левого фланга прямо как сам Веллингтон при сражении.

– Ну что у нас на левом-то фланге, так видите ли, это трудно объяснить. Вчера фланг был воон там – где дуб – ну а теперь *они* перевели войска, и мы тоже отнесли левое крыло назад, туда где деревня и дым. Но боюсь тут сражения не будет, все обман, небось британцы справа Москву обойдут.

– Как бы то ни было, многих завтра недосчитаемся! – подытожил граф военную дискуссию.

На дороге показалось церковное шествие – с пением несли икону заступницы, и все ополченцы, бросив лопаты, побежали навстречу. Толпы военных шли за образом с обнаженными головами. Кроме священников там были и чиновники и генералы-немцы, не считавшие нужным креститься при виде православной святыни, но для возбуждения в русских патриотизма упорно слушавшие молитву. Под пение «Спаси от бед рабы твоя, богородице», все жадно смотрели на икону. Ветер шевелил волосы, солнце сияло.

Приложиться к лику приехал и сам Кутузов – толпа расступилась, когда он со свитой приблизился. В длинном сюртуке на огромном теле он выглядел так, что не узнать его было невозможно даже за версту. Оплывшее лицо, вытекший глаз и белая голова довершали картину. Встав перед иконой на колени он долго не мог подняться. Наконец подняв тело и поцеловав образ, он отошел и тут же к иконе полезли генералитет и затем ополченцы. «Да, видно сражение будет такое, что только бог и поможет выжить», – подумал обычно не особенно верующий граф Г. мрачно.

Знакомый по придворному миру Петербурга, состоявший теперь при главной квартире, повстречав графа на подступах к ставке Кутузова тут же предложил ему вечером составить партию, а пока что не заморачиваться особенно нашей позицией, так как левый фланг черт знает в каком положении, лучше на него и не глядеть. Впрочем при появлении адъютанта Кутузова он тут же переменял свое мнение, и удивился как верно Светлейший разгадал замысел англичан. «Кутузов многих лишних повыгонял, но этого как видно не удалось», – помыслил граф Г., разумеется не говоря этого вслух.

На всех лицах при штабе выражались оживление и тревога, всех интересовали вопросы жизни и смерти. Светлейший наконец заметил графа Г., по той толпе что вмиг собралась рядом с ним, и приказал адъютанту позвать его. Граф как полагается стащил перед Кутузовым шляпу и поклонился.

– Ну что, орел, хочешь порошу понюхать? Приятный запах! – спросил его командующий.

Граф хотел было ответить что после отъезда из Питера более нюхать в этой глуши решительно нечего, но опомнился и лишь отметил что ополченцы надели уже чистые рубахи, очевидно приготовившись к смерти.

– А что, уже готовы значит? Да, чудесный, бесподобный народ, – заметил Кутузов, вздохнув и закрыв глаза.

– Так точно, запах пороха приятный! Готов принести пользу своему отечеству и даже умереть за него! – сказал граф Г. нарочно громко, дабы разбудить главнокомандующего, который как это часто бывает с немолодыми людьми начал уже засыпать.

– Так, так. – ответил Кутузов, проснувшись и почему-то глядя на графа смеющимися глазами.

– Шкуры своей не пожалею, и вам еще пригожусь! – закончил граф для пущей убедительности.

– Ну что ж, мой привал к твоим услугам. А кстати, не послушать ли нам стишок про Гаврюшку Геракова «Будешь в корпусе учитель»? – обратился Кутузов к своему адъютанту, из чего граф Г. вывел заключение что быть при штабе очень интересно, не хуже чем на позициях.

Вспомнив о предстоящей битве, в которой бог знает кому суждено было остаться в живых, граф заранее сказал что сожалеет о недоразумениях, что были между ними, тем своим знакомцам из высшего света которым он успел ранее набить морду, или ткнуть пару раз шпа-

гой в тушку, или проломить череп бутылкой от шампанского, и которые случайно повстречались ему здесь. Знакомые сказали что также ничего против него не имеют и по такому случаю прощают, с некоторыми он даже обнялся и поцеловался.

После этого они с Морозьявкиным решили еще раз подробно осмотреть позицию. Проехав через мост в Бурдино, они свернули к какому-то кургану, на котором располагалась батарея и где ополченцы копали так что земля веером летела с лопат. Граф Г. и Морозьявкин поначалу отнеслись к редуту без внимания, хотя потом и переменили свое мнение в ходе сражения. Солдаты растаскивали бревна изб и копали флешы, обращенные тупыми углом к противнику. Впереди на бывшем нашем редуте маячили кучкой какие-то всадники, про которых офицеры говорили что это несомненно Веллингтон и Нельсон. Граф посмотрел туда, пытаясь угадать Who is Who.

Штабной генерал, оказавшийся рядом, всем объяснял про положение наших войск, однако граф Г. слушал его как-то невнимательно,

– Вам что, разве неинтересно? – спросил генерал у графа грозным голосом.

– Да что вы, очень интересно, – ответил граф миролюбиво, не желая обидеть старого вояку.

– Вон видите – возвышение не занято войсками! Я первый заметил. Безумие оставить незанятою командующую местностью высоту! На убой нас что ли здесь поставили! – продолжал генерал, соперник Кутузова за командование над армией, с воинской горячностью. – Немедля передвинуть войска на гору, моим именем!

Войска из-под горы тут же помаршировали на высоту, а граф Г., хотя заочно дослужился ранее чуть ли не до полковника, будучи записанным в полк с малолетства, еще более усумнился в своей способности понять военное дело. Он разделял мнение генералов о том что такое положение войск неправильно, но при этом никак не мог понять, как же это их бросили под горой, совершив столь очевидную и грубую ошибку. Он поделился своими сомнениями с Морозьявкиным, все время ехавшим рядом с ним вместо денщика.

– Да, прямо засада... А может это и впрямь засада? – спросил Вольдемар.

Его догадка оказалась верна. Впоследствии выяснилось что войска эти были поставлены не для защиты позиции, как думал генерал, а были поставлены в скрытое место для засады, то есть для того, чтобы быть незамеченными и вдруг ударить на подвигавшегося неприятеля.

– А эти дурни возьмут да и разрушат весь наш стратегический замысел! Надо непременно донести главнокомандующему!

Так приятели и сделали. Войска вернули под гору, а штабному генералу Кутузов пообещал Сибирь, если тот еще раз передвинет войска вперед по «особенным соображениям», не сказав об этом главнокомандующему. Таким образом еще не вступив в битву, граф Г. уже существенно на нее повлиял и украсил свою биографию еще одним подвигом.

* * *

Ночевать в этот ясный сентябрьский вечер им пришлось в каком-то разломанном деревенском сарае, близь расположения гусарского полка. Граф Г. возлежал на сене, облокотившись на руку, и смотрел на пашню с копнами овса и на кустарник. Из стенного пролома тянуло дымом от костров. Как всегда накануне сражения граф Михайло чувствовал себя взволнованным и раздраженным, хотя собственно говоря он и так уже был утомлен этой жизнью вообще и обществом Морозьявкина в частности.

Приказаний к сражению гусары получили целую уйму. Дело было вечером, делать было нечего. Но простые и оттого страшные мысли никак не покидали его голову, катаясь в ней как шары по бильярдному столу. Завтра дело должно было быть страшное – могли и прихлопнуть, поэтому вся жизнь представилась ему уже не как ранее, в волшебном фонаре. Слава, обще-

ственное благо, любовь к женщине и даже самое любезное сердцу отечество – все эти грубо намалеванные фигуры более не казались ему чем-то столь уж прекрасным и таинственным.

«Вообще-то говоря все это так просто, бледно и грубо при холодном белом свете того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня, – думал он, – что больше я на это не куплюсь.

Морозьявкин заворочался во сне, прихрапывая и сбивая графа с торжественного предположения хода мыслей. Поглядев на старого приятеля с неприязнью, граф продолжил старые размышления о главном:

– Любовь, придумали тоже! Баронесса Ольга казалась мне такой прелестной... а сама была просто надутой жабой, помешанной на богатстве и парижских безделушках, мечтавшей, чтобы супруг был знатен и «развивался всесторонне», как она выражалась, просто из тщеславия... Как же я любил ее... поэтические планы строил. О, милый мальчик! Верил в идеальную любовь, забыв что живем-то в реальном мире, господа. А Лиза Лесистратова, моя другая любовь, попытка номер пять, которую я недавно спас, а знаком с ней уже несколько лет... Что-то я не верю, чтобы как нежный голубок она зачихала от разлуки со мной. Вообще все это ужасно.

Князь Куракин строил свое роскошное Надеждино как господь по образу и подобию своему и воображал, что это его место, его земля и его мужики. Новоиспеченная баронесса Лесистратова обустроивала жалованные царем Волосатые холмы и тоже думала что теперь это ее места, ее родное гнездо навеки. Я, ваш непокорный слуга, тоже как-то отстраивал свое имение, было дело, потолок залов из мореного дуба и все такое прочее. А пришел генерал Веллингтон, и совершенно не зная о нашем существовании столкнул нас всех со своей дороги и наша жизнь развалилась.

А попы твердят что все это испытания свыше. Да какое же к черту испытание, когда все пропало и ничего больше в прежнем виде не воссоздать? Вот завтра меня грохнут, и даже не англичане, а балбес Морозьявкин, который намерен сдуру разрядил пистолет около моей башки, не зная с какой стороны его заряжать. А потом меня швырнут в яму, на раз-два, за ноги и головенкой об угол, и сложатся новые условия жизни, и придет какой-нибудь новый идиот-император, устраивать очередные бессмысленные реформы, а я даже не узнаю кто это будет.»

Мороз пробежал по его спине, и чтобы сбить его он вышел из сарая и стал ходить вокруг кругами, удерживаясь чтобы не завывать от тоски как одинокий волк в степи. К счастью в это время подошли знакомые гусары вместе со своим ротмистром, и графу стало не так одиноко. Он пинками разбудил Морозьявкина и велел приготовить для всех чаю, чему очень удивились гусары, у которых с собой всегда было кое-что покрепче. Граф Г. восседал на скамейке с мрачнейшим лицом, так что Морозьявкин адресовал теперь все свои вопросы по военной части к гусарам.

– Значит вы поняли все расположение войск? – хитро спрашивал ротмистр, подмигивая и выпивая уже третий стакан крепкого чая кряду.

– Ну да, то есть как? Не будучи военным, не скажу чтобы вполне но все-таки уяснил. Мы вчера с графом целый день мотались, смотрели, – отвечал ему Вольдемар.

– Так вы больше нашего знаете, – пояснил ему ротмистр.

– Да ну? Однако... а вот что вы скажете насчет назначения командующим Светлейшего? – поинтересовался Морозьявкин, с тайным намерением пересказать неблагоприятный для князя ответ кому следует.

– Свет при нем увидели! – бойко ответил один из гусар, оглянувшись на ротмистра.

– Отчего же так?

– Ну раньше как было? Скажем нужна тебе хворостина или дровишки, костерок разжечь, так и трогать не смей! Это мол частная собственность и все такое прочее. Священная и неприкосновенная, понимаешь ли. Так мы ведь уходим, все британцам достанется, а ты не смей. Офицеров под суд отдавали за это, воображаете?

– Жуть, у колодца да не напиться. Я бы вообще все сжигал по ходу. А отчего же раньше запрещали? – наивно спросил Морозьявкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.